

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт славяноведения и балканистики
Институт русского языка

ПРОБЛЕМЫ СЛАВЯНСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ЛЕКСИКОЛОГИИ И ЛЕКСИКОГРАФИИ

Тезисы конференции
Октябрь 1975 г. Москва

Выпуск 2
СЛАВЯНСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ
(семантический анализ древнеславянского слова)

Москва 1975

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт славяноведения и балканистики
Институт русского языка

**ПРОБЛЕМЫ СЛАВЯНСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ЛЕКСИКОЛОГИИ И ЛЕКСИКОГРАФИИ**

Тезисы конференции
Октябрь 1975 г. Москва

Выпуск 2
СЛАВЯНСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ
(семантический анализ древнеславянского слова)

Москва 1975

**Редакционная коллегия: Е. И. Демкина, Н. И. Толочко,
Р. М. Цейтлин.**

© **Институт славяноведения и балканистики
Институт русского языка А. Н. СССР**

Т. А. Алексеева

Определение значения слова по спискам памятника
(на материале произведений Кирилла Туровского)

1. В существующих словарях и картотеках не зафиксированы некоторые лексемы, содержащиеся в сохранившихся, но еще не изученных древних рукописях. Одной из актуальных задач исторической лексикологии является тщательное рассмотрение лексики всех списков отдельных памятников, в особенности древнейших, с целью выявления таких лексем и их значений.

2. "Слова" древнерусского писателя XII в. Кирилла Туровского: "в неделю цветную", "на пасху", "об испытании ребр", "о снятии тела", "о расслабленном", "о слейде", "на вознесение", "памяти отцов Никейского собора" – представляют несомненный интерес тем, что являются сочинениями оригинальными, в отличие от дошедших до нас переводных памятников того же времени. Известны "Слова" по многочисленным спискам, самые ранние из которых относятся к XIII–XIV вв., большинство же датируется XV–XVII вв. Нами изучены 64 рукописи XIV–XVII вв. из хранилищ ГБЛ и ГИМ со "Словами" Кирилла Туровского.

3. Лексику изученных списков можно разделить на две группы: лексемы, последовательно зафиксированные всеми списками "Слов" (типа: дѣторасль, оутрьоуду), и лексемы, входящие в лексические пары (типа: сродникъ–оужика, множити–гобъзовати). В последнем случае в разных группах списков представлены разные лексемы.

4. Лексика первой группы, как подтвержденная всеми списками того или иного "Слова", может быть с уверенностью отнесена к протографу. При этом наибольший интерес представляют лексемы: 1) не зафиксированные словарями старославянского и древнерусского языков (типа: прудникъ, безбожныи); 2) отмеченные в словарях древнерусского языка только по известным спискам "Слов" Кирилла Туровского (типа: пѣснотворецъ); 3) приведенные в словарях, однако имеющие значение, отличное от известных по другим памятникам (типа: хвалитиса- 'торжествовать', поновление- 'воспоминание').

5. Лексика второй группы свидетельствует о том, что протограф "Слов" Кирилла Туровского в процессе бытования (т.е. при многократном переписывании) претерпел существенные изменения. Сравнение лексики одновременных списков позволяет проследить историю этих изменений. Все списки "Слов" разделяются на пять групп, для каждой из которых характерен строго постоянный набор текстологических и лексических черт.

6. Основным приемом изучения лексики списков "Слов" в названных аспектах является сравнение текста списков, для чего необходимо предварительное и осуществляемое в ходе лингвистического исследования текстологическое их рассмотрение. Проследив разнообразные закономерности в списках, можно восстановить историю изменения текста протографа и его лексики.

7. Важнейшим является вопрос о том, какую лексему, при наличии лексических вариантов в определенном контексте в различных группах списков, следует возводить к протографу. Основные критерии, на которые следует опираться при возведении той или иной лексики к протографу, таковы: 1) наличие ее во всех списках данного "Слова"; 2) наличие ее в словарях древнерусского языка по другим памятникам того же периода (в данном случае - XII в.); 3) присутствие ее в подавляющем большинстве списков, относящихся к разным текстологическим группам; 4) наличие ее в наиболее ранних, из сох-

ранившихся, списках данного памятника.

Наиболее надежны первый и второй из этих критериев. Критерии третий и четвертый могут оказаться спорными. Так, в нашем случае из выявленных групп списков "Слов" Кирилла Туровского две (Чудовская и Уваровская), как наиболее ранние, содержат списки XIV в., а три (Волоколамская, Пискаревская и Троицкая) — списки XV в. Допустим, что какая-то лексема читается в списках той группы, в которую входит список XIV в., тогда как в параллельном контексте в других списках, самый ранний из которых датируется XV в., представлена другая лексема. Опирается только на древность в данном случае трудно. В процессе бытования могли быть утрачены какие-то промежуточные списки, и таким образом списки, датирующиеся более поздним временем, могут ближе отражать лексику оригинала.

Также и группа, меньшая по числу входящих в нее списков, может точнее отражать текст и лексику протографа, поскольку в процессе бытования какой-то список, отличавшийся от протографа, мог попасть в условия, при которых с него было сделано большое число дошедших до нашего времени списков. При восстановлении лексики протографа это также может привести к ошибке.

8. Изучение лексического состава древнерусского памятника по большому числу сохранившихся списков дает возможность выявить или уточнить значения отдельных лексем. Лексемы, не зафиксированные словарями древнерусского языка, но последовательно употребляемые в одних группах списков на месте определенных лексем, стоящих в тех же самых контекстах в других группах списков, могут быть отождествлены с последними по значению. Языковое сознание носителей языка XV в. значительно удалено от языкового сознания носителей древнерусского языка. Писцы же более поздних (средневековых) списков того же памятника, являвшиеся бережными хранителями письменных традиций, воспринимали лексику этих произведений с большим пониманием лексических значений, чем это возможно теперь. Известно, что писцы не были меха-

ническими переписчиками текста произведения, а часто творчески его перерабатывали. Они могли заменять отдельные устаревшие лексемы на другие, синонимичные им по значению. Списки одного и того же древнего памятника позволяют не только выявить неизвестные лексемы и установить их значения, но и уточнить значения уже известных лексем.

И.И. Варбот

Определение значений и этимологизация "темных"

редких слов из памятников письменности

Изучение "темных" редких слов является важной и специфической задачей исторической лексикологии. Это определяется не только значительностью доли редких слов в словарях памятников (по данным Р.М.Цейтлин, галаксы составляют четверть старославянского словаря; судя по материалам Л.В.Вялкиной и Г.Н.Лукиной, на галаксы приходится половина словника Мерила Праведного, а слова десяти последних частот составляют около 95 % этого словника). Как и в современном языке, редкие слова в древних текстах отражают процессы изменения словаря. Хотя нельзя отождествлять категорию редких слов в современном языке с категорией редких слов в памятниках и хотя не все редкие слова являются "темными", можно утверждать, что "темные" редкие слова в памятниках письменности имеют прямое отношение к процессам утраты древних лексем и появления новообразований, не закрепившихся в языке. Соответственно среди "темных" редких слов могут оказаться реликты утраченных впоследствии основ (например, др.=русск. волмина — один из немногих рефлексов праслав. **vъlsh-*, см. Фасмер I, 339; ср. новг. волмяг 'заросли ивняка, бурьян', см. СРНГ 5, 43) и производные образования от продуктивных основ (например, др.=русск. корачни — словообразовательный вариант к русск. корачки, см. Sławski III, 121); без учета которых значительно обедняется представле-

ние о праславянском лексическом фонде и его развитии в славянских языках.

Реконструкция значения "темных" редких слов из памятников письменности опирается на комплексное изучение контекста, близких текстов (в том числе оригиналов - для переводных памятников), синтагматический, словообразовательный и этимологический анализ, внелингвистические данные. Это определяет специфику не только соответствующих историко-лексикологических исследований, но и статей в словарях памятников письменности: предлагаемая составителями реконструкция значения сопровождается указанием основных аргументов (ср. у Срезневского ссылки на лексику современных славянских языков), что представляется необходимым.

Если при изучении современного словаря изолирование гапаксов от слов, употребленных два или три раза, считается произвольным (см. R. Michéa - BSL LXVII I, 28), то в исторической лексикологии выделение среди "темных" редких слов гапаксов необходимо: при их рассмотрении приходится считаться с их филологической недостоверностью, что увеличивает степень гипотетичности любых решений относительно их значений.

Этимологический анализ входит в процедуру реконструкции значения "темного" слова на правах одной из нескольких взаимно контролируемых операций. Этимологическое решение не может быть достаточным обоснованием реконструкции значения, если оно не согласуется с другими аспектами исследования. Например, представляется произвольным и недоказательным толкование гапакса бѣкъмь (Устав Студийский, 208), предложенное К. Менгесом: *бѣкъмь 'Pech, pich' < лат. pich (K. Menges, Die Sprache der altrussischen Übersetzung des Studion-Typikon. Gräfenhainchen, 1935, 48). Контекст: Въ вѣсѣ ту (первую) иѣ (великого поста) вѣсѣгда кутьникъ вѣ велики сѣсоуды не залыны бѣкъмь вѣливаѣтъ вино, и чрѣплеть вѣ не оукропъ, и стовѣ при божьнѣцѣ причащающимъ сѣ стѣхъ даровѣ. даѣтъ вѣ цркви испити. Речь идет, следовательно, о сосудах для святого причастия, ко-

торые по правилам богослужения должны быть абсолютно чистыми и материально, и ритуально. Поэтому оговорка о смоле, предполагаемая Менгесом, представляется совершенно неуместной; почему упоминается только и именно смола? Более реалистичен подход Срезневского, истолковавшего бѣхъмь как бѣхъмь (Срезневский I, 1383, кутъникъ), вариант к бѣхъмь 'совершенно'. У последнего истолкования есть и еще одно преимущество: оно сводит "темный" гапакс к варианту известной лексемы, тогда как Менгес предполагает неизвестное замещение.

Удельный вес и функция этимологического анализа в общей процедуре реконструкции значения "темного" слова варьируются в зависимости от конкретных условий исследования.

Др.=русск. толока (встречается 3 раза, из них 2 в воспроизведении одного текста), толочнь (1 раз): А двѣи кто оумльви^Т дасть в в толокоу, на оумльвеници стлѣ гривну сребра, а двѣ за срамъ ^Г гривны, а на толочнехъ по гривень, а князь казни^Т (Переяслав. летопись, 42); А двѣку умоловать кто к себѣ и дасть в толоку, на умольници епископу 3 гривны сребра, а двѣци за соромъ - три гривны сребра (Софийская I летопись, 121); А се грѣхъ аще кто иметь женоу в толоку (Великие Четы-Минеи, август 31, лл.1384-1385 - см. ЧОИДР 1912, кн.3, 47). Толока естественно сопоставляется с др.=русск. и совр.русск. толока 'хлебная поправа' и может быть понято как образное употребление того же слова. Более конкретно и точно значение слов толока, толочнь можно установить, обратившись к семантике лексем гнезда праслав. *telkti в отдельных славянских языках. Существенно, что польск. tłuć się значит в частности 'жить, вести себя развратно (о женщине)', а в хелм.=добж. говорах tłuca обозначает проститутку. На этом семантическом фоне может быть уточнен смысл приведенных выше текстов, что позволяет реконструировать для толока и толочнь соответственно значения "насилие, разврат" и 'совратитель, развратник'. Так как у др.=русск. толочи и толочити и их продолжений в современных вост.=слав. языках нет значений, близких к польск.

'вести себя развратно', то можно думать, что реконструированные значения отглагольных тодога, тоючьнь (как и значения польск. *tłuc, tłuka.*) отражают более древнюю, праславянскую семантику этого гнезда.

Ст.=чеш. *klavka* (I раз.): *Oxnánil, že... má žkoru klavek* (завещание 1552 г., архивы Колина, см. Gebauer II, 35). Ср. прозвище *Klavka* (грамоты 1495, 1499 гг., там же). Возможно родство с совр.чеш. *klavati* 'обрубать кору с дерева' (ср. *klada klavana* 'бревно, кора с которого зимой, когда нет сока, обрублена, в отличие от бревен, с которых кора облупливается, когда есть сок', Jungmann II, 52). Но какова словообразовательная иерархия *klavka* и *klavati*? *Klavati* 'обрубать', как и *klavati* 'клевать', обычно считается поздним вариантом к *klovati* и не зафиксировано в ст.=чеш. Полезно обращение к этимологии: предполагаем принадлежность *klavka* и *klavati* к слав. гнезду **(s)kelb=*(s)kolb=*, которое является расширением **(s)kel-* 'резать, рубить'. В слав. языках среди продолжений **(s)kelb=*(s)kolb=* преобладают образования с семантикой 'улыбаться, смеяться' и т.д. Для этимологии *klavka* существенно наличие образований, близких к первичной семантике 'резать, рубить': к **(s)kelb=*(s)kolb=* / **(s)kɛlb=* могут быть возведены чеш. *klebiti* 'разверзаться', диал. *rozklábit* 'открыть', словц. *sklavina* 'щель', укр. карп. засколбити 'занозить', русск. ряз. колбень 'пень', колбешка 'головешка', ряз., сар. колбяк 'обрубок бревна', ур. колбышка 'чурка', колбашок 'чурка для городков', колбушек 'обрубок'. Сюда Ильинский отнес и колоб (изв. ОРЯС XXIV, I, 128). Ст.=чеш. *klavka* восходит к праслав. **kolb-* как и колоб (ср. **skolb-* в укр. засколбити). Семантика гнезда и чеш. *klavati* позволяют реконструировать для *klavka* значение 'отесанное бревно'. Чеш. *klavati* является производным от чеш. **klava* или праслав. **kolba*.

Др.=русс. (въ)княтися (4 раза в воспроизведении одного текста): Бъ бо раслабленъ тѣломъ. ко не мощи ему обратитиса на другую страну... многажды и червѣ въкнѣ-

хуса подь бедру ъму (Пов.вр.л.6582 г. по Лавр.сп.; в Ипат.лет. Акад.сп. и Пат.Печ. Нѣвг.-княхуса). А.Никольский истолковал княтися как 'роиться' (РФВ XLII, 104).

Очевидно, что контекст допускает и значение 'появляться'. Выбор зависит от этимологического анализа. Княтися может быть производным на = jati от глагола *kynŋti, который, в свою очередь, может восходить к *kydnŋti и *kurnŋti. Рефлексы *kydnŋti имеют, в частности, такие значения: др.=русск. кнутися 'напасть, наброситься', русск. XVIII в. кинуться 'напасть (о болезни)', урал. кинуться 'заболеть'. Следовательно, в случае княтися < *kydnŋti оправдано значение 'нападать' > 'появляться'. *kurnŋti в др.=русск. памятниках не отмечено, но др.=русск. кнѣти широко употребляется в значениях 'изобиловать, кишеть'. Ср. особенно: Челеса ... червьми кпяща (Пахом. ред. жития Сергия Радонежского, 80): ... пораженъ бысть ... неисцѣльнымъ недугомъ кпѣвъ въ червахъ и въ смрадѣ (Три челобитные Савватия, Саввы Романова и монахов Соловец.монаст., 160); гнои и червие в душахъ вашихъ кпятъ (Аввакум. Книга толкований и нравоучений, 542). О возможности основы *kurnŋti свидетельствуют словен. kŋniti 'подниматься, подходить (о тесте)' и чеш. kurnouti 'подниматься (о тесте)' и 'изобиловать'. Если княтися восходит к *kurnŋti, то его значение - 'роиться, кишеть'.

Е.М.Верещагин

Выявление смысловых связей между словами
первого литературного языка славян с помощью
методики "цепочки"

1. В изучении плана содержания древнеславянского языка существенной задачей представляется выявление смысловых связей между словами (или, что то же самое, определение групп синонимов, антонимов и тематической лексики). Реше-

ние этой задачи во многом зависит от эффективности применяемых исследовательских приемов. Анализ семантики любого мертвого языка обычно проводится с помощью некоторых косвенных индикаторов, способных возместить непосредственные реакции информаторов или языковое чутье самого исследователя, — изучают семантику живого языка — "потомка", прибегают к этимологическим данным, учитывают деривацию, исследуют сочетаемость и т.д. Эти общие семасиологические методики могут быть дополнены приемами исследования, учитывающими специфику конкретного анализируемого материала. Например, ("Советское славяноведение", 1975, № 2), мы описали такую частную методику выявления смысловых связей между словами древнеславянского языка, — она покоилась на явлении параллелизма, образующего стержень художественности Псалтыри. Сейчас нам хотелось бы предложить для обсуждения вторую частную методику, — она целиком основана на учете переводного характера славянских "канонических" памятников.

2. Рассмотрим для примера группу синонимов вокруг слова печаль. Изучается материал Евангелия, Псалтыри и Апостола. В словаре ЧСАН указан лишь один синоним — скръбь. И действительно, печаль в большинстве случаев является переводом греческого $\beta\lambda\epsilon\psi\iota\varsigma$ и в практически тождественных контекстах в качестве соответствия $\beta\lambda\epsilon\psi\iota\varsigma$ имеем переводом еще и скръбь. Поскольку контексты весьма близки (вплоть до полного совпадения) и поскольку оба слова переводят одну и ту же греческую лексему, вполне логично заключить, что славянские слова если не полностью равны по смыслу, то по крайней мере обладают смысловой связью, — если в идентичных условиях $a = b$, а $b = c$, то и $a = c$. Этот же прием логического вывода можно использовать и дальше. Если с помощью конкордансов Э.Гетча — Г.Редпата и Х.Брудера выявить все случаи употребления $\beta\lambda\epsilon\psi\iota\varsigma$ в трех указанных источниках и затем установить способы перевода слова на славянский язык, то обнаруживается перевод еще одним корнем — тага и /сь/таганиѣ. Печаль связана не только с $\beta\lambda\epsilon\psi\iota\varsigma$ но и с $\alpha\beta\upsilon\rho\mu\acute{\iota}\alpha$, а $\alpha\beta\upsilon\rho\mu\acute{\iota}\alpha$ в свой черед переводится как оуны, ниѣ; следовательно, печаль си-

номична еще и слову оуны́ннѣ . Наблюдается и еще одна связь: печаль - ἄδρησυχία - глоумление . Наконец, последовательности скръбь - ὀδύνη - страсть и скръбь - ὀδύνη - болѣзнь устанавливают еще два синонимичных слова.

В итоге - из-за экономии места пропускаем несколько второстепенных этапов анализа - получаем группу из 9 греческих синонимов ἄδρησυχία, ἄδρησυχία, ἄδρησυχία, ἄκρησυχία, ἄλγος, λύπη, μέριμνα, ὀδύνη, ἐννοχία и соответствующую ей группу из 6 славянских синонимов болѣзнь, глоумление, печаль, скръбь, тага/тажаніе и оуны́ннѣ . Как можно видеть, по сравнению с данными словаря ЧСАН, устанавливается определенный рост группы синонимов вокруг лексики печаль . Имеются и нетривиальные результаты: ср. полисемию слова болѣзнь и нетрадиционную интерпретацию семантики слова глоумление .

Аналогичным образом установлена группа синонимов вокруг слова болѣзнь (в значении σωματικὸς νόσος 'соматическое нездоровье'): недугъ, немошь, тродъ, рана, мака, струощь . В качестве примера приведем еще группу похоть, хотвниѣ , желаниѣ , волна, любѣ .

Таким образом, использованная нами методика представляет собой строгую последовательность исследовательских действий: сначала устанавливается греческое соответствие славянскому слову, потом определяется альтернативный перевод греческой лексики, затем новое славянское слово "тянет" за собой новое греческое и так далее вплоть до того времени, когда группа перестанет обогащаться новыми корнями. Поскольку перед глазами сразу же возникает яркий наглядный образ, данная методика может быть названа методикой "цепочки". В работе надо постоянно принимать во внимание контекст для обнаружения полисемии греческого или славянского слова. Достоинством методики является ее объективность. Получаемый материал, однако, может быть отнесен ко всему древнеславянскому языку только после расширения круга изученных источников.

Устойчивые словосочетания — штампы для обозначения определенных житейских ситуаций в русских челобитных XVII в.

Исследование лексики и фразеологии деловой письменности начального этапа формирования русской нации (конец XVI—начало XVIII вв.) преследует двойные цели. С одной стороны, рассмотрение лексики и фразеологии делового языка, одного из стилей литературно=письменного языка того времени, дает возможность судить о начальных процессах формирования словаря литературного языка на национальной основе (соотношение общелитературных и специфически деловых элементов, степень нормированности словаря, литературной обработанности актов разного рода и т.д.). С другой стороны, анализ словарного состава деловых памятников позволяет выявить и описать (в какой=то ее части) лексику общенародной разговорной речи, явившейся базой национального русского литературного языка.

Рассмотрение челобитных XVII в., актов массового применения как в официально=, так и в частно=деловой практике, показывает, что несмотря на разную степень обученности писавших эти акты, они отличаются довольно высокой обработанностью. В челобитных используется ряд традиционных лексико=фразеологических элементов, характерных для литературно=письменной речи того времени в целом, для деловой письменности во всем ее объеме. Вместе с тем этот вид актов отличается от других специфическим сочетанием стилевых средств, связанных по происхождению как с литературно=письменными памятниками или деловой письменностью, так и с обиходно=бытовой речью эпохи (см., например, широкое использование ситуативных определений, диминутивов с уничижительно=пренебрежительным оттенком значения и т.д.).

Широко охватывая русскую действительность XVII в. (социальные, производственные, судебноп=юридические отношения, быт), челобитные своим возникновением были обязаны опреде-

ленными критическим моментам в жизни того или иного лица или группы лиц. Анализ лексико-фразеологического состава 1200 челобитных официально- и частно-делового характера показывает, что в практике составления челобитных были выработаны типовые средства выражения определенных понятий о жизненных ситуациях, состояниях, в которых находится просящий или жалобщик. Описать все используемые в этих целях "штампы" пока нет возможности. Для этого нужно было бы проанализировать всю массу сохранившихся от XVII в. челобитных, поскольку новые акты, включаемые в рассмотрение, зачастую раскрывают повторяемость, стандартизованность того, что ранее казалось индивидуальным. Однако ряд типичных приемов выражения тех или иных понятий выявлен. Некоторые из них рассматриваются ниже.

Обращает на себя внимание серия устойчивых словосочетаний, которые используются для того, чтобы представить то или иное событие, о котором говорится в челобитной, как результат проявления воли бога. Поэтому естественным является употребление в челобитных выражений волею бога, изволением (произволением, попущением) божиим, гневом божиим, судом божиим и даже индивидуальное — судьбамъ божиимъ. В форме творительного падежа (творительный причины) отвлеченные существительные воля, гневъ, судъ, 'постановление, приговор', изволение, произволение 'волеизъявление', попущение 'допущение, позволение' в сочетании с определением божиимъ, -ая, -ее в постпозиции выступают в качестве обстоятельства причины, которое обусловило какое-нибудь стихийное бедствие, несчастье. Иногда это обстоятельство разворачивалось в придаточное предложение причины: божья воля сталася, бог изволил, послал господь гнев свой и др. Реже встречаются в челобитных сочетания милость божию (божию), помощию бога, молитвами и заступлением богородицы и др., которые имеют значение 'благодаря поддержке, благоволению высшей сил'.

Отмеченные устойчивые словосочетания пришли в челобитные (значительно реже они встречаются в других видах актов) из литературно-книжных памятников (летописей, повестей

XV–XVI вв.), которые в свою очередь усвоили их из церковной книжности. Интересно отметить, что приведенные выше словосочетания используются главным образом в официально-деловых челобитных.

В частно-деловых челобитных для обозначения причины того или иного события (смерти, пожара, неурожая и т.п.) выступают обычно предложные или беспредложные устойчивые словосочетания, указывающие на то, что это событие является результатом вольных или невольных проступков челобитчика перед высшими силами: Грѣхом моим (своим, нашим), За грѣх мой (наш), за грѣхи свои, грѣх ради (ради грѣх) наших (своих), по грѣхом моим (нашим, своим), по грѣху по своему, а также более редкие: согрѣшением нашим, по моему согрѣшению, за согрѣшение мое, за умножение грѣхов.

Хотя сочетания эти также генетически связаны с церковно-религиозной книжностью, откуда восприняли их русские исторические и бытовые повести XVI–XVII вв. и памятники деловой письменности, одни из них более книжны по своему характеру (грѣх ради, согрѣшением нашим, по моему согрѣшению, за умножение грѣхов), другие же носят разговорно-бытовой характер (грѣхом моим, по грѣхом моим, за грѣх или грѣхи мой). Последние встречаются обычно в челобитных частно-деловых, разговорниках, частной переписке XVI–XVII вв., ср. употребление придаточного причины грѣх стался в бытовом значении 'так уже случилось (произошло)': Мы поневоли (!) продали (хлеб) въ Красном селе, что грѣхъ стался у нас, обранили выпись и ту оброщью роспись (С.И.Котков, Н.П.Панкратова. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII – начала XVIII в. Изд. "Наука", М., 1964, с.209, № 69).

Материал показывает, что устойчивые приемы обозначения понятий об обычных житейских ситуациях, вызывавших обращение с челобитьем к тому или иному лицу или в административный или судебный орган, являются одной из ярких стилистических особенностей челобитных. Стандартизованными способами выражения этих понятий могли быть и использование разного рода фразеологизмов (бродить или волочиться или скитаться мж

двор; кормиться или питаться по миру; живот свой мучить и др.), и употребление устойчивых словосочетаний нефразеологического характера (божья воля, бить смертным боем и др.), и использование определенных лексических средств (даты и бранить, бить и увичить) или грамматических конструкций (творительный причины, творительный тавтологический и др.).

В.Я. Дерагин

Проблема контекста в исторической лексикологии

В исследованиях по исторической лексикологии и в историко-лексикографической практике первостепенное значение имеет проблема контекстов, достаточных для определения значения слова и его места в лексической системе языка на определенном этапе его развития. Интуитивно-словообразовательный подход к семантике слова, вмешательство современного языкового сознания могут ввести исследователя в заблуждение, равно как и излишнее обобщение разновременных, разнородных в жанровом и территориальном отношении материалов. А наши современные данные об истории русской лексики еще недостаточны.

Трудность состоит в том, что в принципе историк языка не имеет внеязыковых (ситуативных) контекстов, дающих возможность наблюдателю живого языка (например, диалектологу) точно устанавливать предметно-понятийную отнесенность слова. Историк языка располагает только узкими или широкими словесными контекстами.

В какой-то мере подобен внеязыковому контекст исторический, так как его характеристики не всегда могут относиться к непосредственному словесному окружению. Понятие исторического контекста включает в себя прежде всего временную и территориальную приуроченность каждого словоупотребления.

Примеров семантического движения во времени можно най-

ти немало и в истории отдельных слов, и в истории целых пластов лексики. Иллюстрацией постоянной перестройки на протяжении представленного письменными памятниками периода истории может служить лексико-семантическая группа слов — названий населенных пунктов в русском языке (город, посад, село, деревня, погост, починок и др.): меняется семантический объем каждой единицы, взаимные отношения между ними, происходит забвение первоначальной мотивации слова, переход нарицательных слов в разряд топонимов и т.д.

Было бы неверно ограничивать проблематику истории русского языка исследованиями историко-диалектологическими. Но исключить из поля зрения процессы взаимодействия общерусского и локального в лексике также невозможно. Две грамоты конца XVI в. о строительстве Архангельска (писанные в Москве и в Михайло-Архангельском монастыре) дают совершенно разные представления о семантике таких терминов, как обежка, горная земля, худая земля.

Историко-диалектологический аспект исследования диктует необходимость изучения памятников, созданных в отдельных центрах письменности. Для многих русских центров представлены непрерывные традиции от XIV—XV или от XVI века. В таком случае изучается словоупотребление в контексте местной письменной традиции. Заметны, например, отдельные особенности в словоупотреблении даже в таких близких центрах, как Холмогоры — Архангельск и Вага.

В отдельных случаях возможно и даже необходимо анализировать словоупотребление в текстах, созданных одним писцом (в актовых собраниях — и в текстах, писанных для одного заказчика), то есть рассматривать слово в контексте индивидуального словоупотребления. Особенно важен этот путь при изучении разного рода "неправильностей": индивидуальных словоупотреблений, речевых ошибок, описок (оговорок), явлений, возникающих в результате смешения словоупотребления нескольких создателей текста. Особенности местной традиции и индивидуальные вку-

си создателей текстов прослеживаются, например, в такой группе лексики, как названия деловых документов.

Жанровая дифференциация письменности оказывает громадное влияние на характер контекстов и семантику слов. Предстоит еще выявить группы лексики, особенно подверженной семантическому варьированию в различных жанровых контекстах, и группы слов с относительно "устойчивой" семантикой.

Однако и внутри текстов одного жанра мы можем столкнуться с влиянием узкого словесного контекста на семантику слова. Так, в текстах деловой письменности необходимо разграничивать словоупотребление в формализованной (особо-протокольной) и неформализованной частях документа.

Исследователь, занимающийся историей слов по материалам деловой письменности, имеет возможность построения и существеннорасширенных контекстов. Они могут быть разнообразными, в зависимости от конкретной задачи исследования. Первый из возможных путей расширения контекста состоит в расчленении документов на клаузулы и рассмотрении в качестве цельного контекста более или менее значительной группы единообразных по содержанию частей различных текстов. Это дает возможность, например, путем построения синонимического ряда выявить значения слов, неясных в контексте одного документа. Второй путь: объединение в группу текстов, относящихся к одному объекту купли-продажи, порядка, сбора дани и т.п. Лексическое варьирование, наблюдаемое в таких группах текстов, также помогает точнее определить семантику отдельных слов — названий соответствующих объектов, их частей, свойств, действий, производимых над объектом и т.п. Возможны и другие пути расширения контекстов. В опубликованных и архивных рукописных собраниях есть немало разнообразных по виду групп текстов, легко поддающихся препарированию и сравнительному изучению.

В целом перед исторической лексикологией стоит задача разработки сравнительно-исторического метода, метода внутренней реконструкции и других методов изучения истории

языка, достаточно четко определенных свои частные приемы в исторической фонетике и исторической грамматике. Если принимать положение о том, что значение слова выявляется только в контексте, то для исторической лексикологии определение понятий "контекст" и "виды контекстов" имеет важнейшее методологическое значение.

Л. А. Кацапов, И. В. Шадурский

Контекст и семантическая структура компонентов
тематических групп (на материале старобелорус-
ских памятников)

Тематические группы слов представляют собой своеобразное явление в лексической системе старобелорусского языка. По характеру сигнификативной направленности своих компонентов они во многом совпадают с соответствующими терминологическими сериями (в современном понимании), и поэтому их исследование имеет особый интерес для лингвистики вообще и лексикографии в частности.

В отличие от изучения лексики современного языка, который для подтверждения своих выводов и обобщений не только оперирует материалами письменной литературы, но и опирается на общедоступные факты, интерпретация номинативных средств древности возможна лишь на основании зафиксированных в памятниках различных форм сочетания лексем, т. е. на основании контекста.

Ввиду семантического многообразия наименований выявление отдельных значений и раскрытие их смысловой структуры по материалам письменных памятников имеет свои особенности. При этом необходимо учитывать ряд обстоятельств. Одно из них — связь данного слова с другими словами микросистемы. Именно благодаря сопоставлению исследуемой лексики с сокомпонентами тематического ряда становится возможным определение ее смыслового содержания. Сравн., например, семантические отношения между словами различных тематических групп с общим

значением 'сельскохозяйственный участок': земля, пашня, ролья, нива, разробокъ; волока, моргъ, пруть, лань, резъ, шнуръ, гонъ, полоса; ляцо, облога, яловина, протеребъ; приоръ, припахъ, приробокъ, присевокъ; дедизна, отчизна, материзна, дялкъовщина, стрывещина, вувещина; жребий, долъница, внимокъ, половица, третина; наддатокъ, застенокъ, замехокъ; уголь, островъ, клинь, квадратъ и др.

Однако сопоставление компонентов тематического ряда само по себе не решает проблемы вскрытия специфики лексических значений каждого из них, поскольку в подобных случаях слова образуют простые статические, нефункциональные объединения. Для выявления конкретной сигнификативной направленности слова нужен особый синтагматический фон. Его обычно создают сочетания именных лексических образований с глаголами того же тематического пласта. Например, для воссоздания семантики слова поле 'пахотная земля' необходимо его синтаксическое соединение со словами орать, бороновать, сеять. Такой тип контекста можно условно назвать тематическим. Контактующие в нем слова связаны между собой единой семантической темой 'принадлежащий к сельскохозяйственному производству'.

Но в языке слово очень часто попадает в широкий, неспециальный, так называемый бытовой контекст, т.е. в такую ситуацию общения, которая по-иному определяет выбор слов и общую модель построения для реализации семантики слова — компонента тематической группы. В подобных условиях тематическое слово может утрачивать вследствие воздействия на его значение общей речевой ситуации свою терминологичность и подчиняться обычным правилам употребления слова как единицы языка, — правилам, строящимся на логически совместимых лексико-грамматических связях. Сам контекст усложняется различного рода добавочными лексическими проводниками, в качестве которых выступают слова разной, но в общем соотносимой с исследуемым наименованием понятийной и синтаксической основой. Сравн. орать поле плугомъ, весной, на зябь; видеть хлебное поле, быть на поле.

Определение степени влияния контекста на слово, зафиксированное в древних письменных памятниках, часто сталкивается с трудностями ввиду не всегда адекватного перевода его на современный язык. Возникшие в результате длительной эволюции расхождения или несовпадения в семантическом объеме многозначных слов становятся понятными на фоне общей контекстно-ситуативной обстановки, воссоздать которую можно только исходя из содержания исследуемого в лингвистических целях литературного источника.

Невыводимость лексического значения или невозможность реконструкции полной семантической структуры из древнего контекста может быть и по причине исчезновения слова из языка вообще или отпадения одного или нескольких его лексических значений, в результате чего нарушились исторически установившиеся связи и субординация между семантическими разновидностями данного слова. Единственным источником восполнения этого пробела становится в таком случае материал исторических исследований, дающий возможность описать исчезнувшую реалью или явление и на основании этого вывести соответствующее определение лексического значения слова. Сравн., например, слова лань, волока, моргъ, резъ, обрубъ, семантика которых может быть раскрыта путем тщательного изучения исторической литературы или воссоздания общего фона древней эпохи по письменным памятникам того времени.

Лексикографическое описание компонентов тематических групп принесет наибольший эффект в случае соблюдения принципа коррелятивной интерпретации: соизмерять семантику слова необходимо со значением других слов этого объединения на основе сопоставления их между собой по соответствующей семантической теме. Это гарантирует также сохранение одного из важнейших правил лексикографии: выявление семантического объема слова при полном его диахроническом тождестве.

Глагольная лексика в "Разговорнике" Тонниса Фенне

В последние 20-30 лет сложилась новая отрасль исторической лексикологии и диалектологии - изучение иностранных источников, сообщающих данные о русской разговорной речи эпохи Московской Руси. Это направление началось исследованиями и публикациями Б.А. Ларина ("Русская грамматика" Генриха Лудольфа. М., 1937; "Парижский словарь москвитов 1586 г.", Рига, 1948; Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса", Л., 1959) и было продолжено в трудах зарубежных ученых (H. Chr. Sörensen. Ein russisches handschriftliches Gesprächsbuch aus dem 17. Jahrhundert, Kopenhagen, 1962; E. Günter. Zwei russische Gesprächsbücher aus dem 17. Jahrhundert, Berlin, 1964; S. S. Lundén. The Trondheim Russian-German, Oslo, 1972 и др. К этому кругу памятников принадлежит и русско-нижненемецкий разговорник, составленный Тоннисом Фенне в Пскове в 1607 г. (Tonnies Fenne's. Low German Manual of Spoken Russian, Pskov. 1607. Ed. L. L. Hammerich, Roman Jakobson, Elizabeth van Schooneveld, vol. I-II, Copenhagen, 1961-1970). Это руководство для изучения русской разговорной речи, составленное купцом из прибалтийских немцев, включает, по подсчетам издателей, около 4000 слов. Как и другие пособия такого назначения, "Разговорник" содержит тематический словарь, перечни глаголов, наречий, местоимений, сведения по грамматике и диалоги на бытовые и торговые темы. Благодаря теоретическим исследованиям, проведенным издателями, тщательно выполненной транслитерации и переводу текста на английский язык, мы имеем новый важный источник для изучения разговорной речи Московской Руси начала XVII в.

Наша задача - описание и анализ части глагольной лексики, представленной в "Разговорнике". Исследуются глаголы, приведенные в перечне на стр. 161-171 оригинала (200 слов).

В "Разговорнике" глаголы даются либо в форме инфинитива (никать, шупать; смѣяться, париться, божиться), либо в

форме 3 л. ед.ч. настоящего-будущего простого времени (видит, слышит, лежит; вытрет, достанет, застынет). Строгого распределения глаголов по семантическим или грамматическим группам нет, но вместе с тем видно стремление автора поставить рядом слова, связанные по грамматическим свойствам или по значению. Соотнесенность по категории вида обнаруживают глаголы: нести - принести, сустрекать - стрѣтить, смущать - смутить, искать - найти. Более отчетливо проявляются смысловые связи слов: в перечне глаголы объединяются по близости, сходству или, наоборот, по различию, контрастности обозначаемых ими действий или состояний: опочинуть 'отдохнуть', дремлет; даёт, взять; купить, тоговать, нанять; лежит сидит, стоит; взять, украсть. Отметим антонимические пары: смяться - плакать, хулить - хвалить, жить - умереть, привязать - отвязать, зажечь - загасить. Много глаголов-синонимов: дать, браниться; вопить, гамить 'кричать'; искать, сочить; плясать, танцовать (по замечанию автора, первый глагол означает исполнять русские танцы, а второй - немецкие, иностранные) и т.д.

Семантика глаголов часто не вызывает сомнений, так как это слова, широко употребительные в русском языке, но отдельные случаи нуждаются в комментариях (отгонить, варавить).

В каком отношении находится рассматриваемая группа глаголов "Разговорника" к словарному составу древнерусской письменности и к лексике разговорной речи той эпохи?

В древнерусской письменности XI-XV вв., по данным "Материалов" И.И.Срезневского, в тех же самых значениях отмечено около 60 % всех глаголов (120 слов): блѣвать, божиться, будить, вельть, взять, видеть, вѣрить, глотать и т.д. Широкая употребительность многих глаголов этой группы в разговорной речи XVII в. подтверждается данными источников, отразивших разговорную речь той эпохи, таких, как "Словарь-дневник Ричарда Джемса" (Холмогоры), "Русская грамматика" Г.Лудольфа (Москва), "Тронхеймский словарь" С.С.Линден (Нарва-Новгород) и друг.: бить, блѣвать, божиться, говорить, грозить, дать, добывать 'получать. доставать',

ждать, жить, зажечь (свечу), кликать, купить, мыть, нихать, пить, пихнуть, плакать и т.д. (не менее 40 слов).

Другую группу образуют глаголы, имеющие в "Разговорнике" иные значения, чем отмеченные И.И.Срезневским, или совсем не представленные по его данным в письменных источниках старшего периода (при возможной неполноте "Материалов" И.И.Срезневского, остается несомненным появление в XVI-XVII вв. значительного числа семантических и словообразовательных неологизмов): беречь 'охранять, стеречь' (Срезневский - 'заботиться'), браниться 'ссориться' (Срезневский - 'тягаться'), грезить 'видеть во сне' (Срезневский - 'воображать'), храмлет 'ковыляет' (Срезневский приводит только именное образование с этим корнем), чихать (Срезневский - только чыхь=чехь=чохь 'чихание'); глаголы загасить, париться, позорить 'бесчестить' и др. у И.И.Срезневского не отмечены. Приведенные глаголы также были широко распространены в письменности (особенно в деловой) и в разговорной речи XVII в.

Глаголам общерусского распространения в "Разговорнике" Тонниса Фенне противостоит группа глаголов, которые могут быть отнесены к диалектным (22 слова). Они или не отмечены в письменных памятниках древнерусского языка или представлены примерами из новгородско-псковской письменности. Значительная часть слов этой группы имеет прямые соответствия в лексике современных псковских говоров: брячать 'брякать, звякать', ворохнуться 'шевелинуться, повернуться', окутить 'одеть', раскрутить 'раздеть', пахать 'мести', скопить 'собрать (о людях)', сморгать 'сморгаться', сустрекать 'встречать', торкать 'втыкать, вкалывать', хрипеть, хреплет 'кашлять' и др. Очевидно, что эти слова были свойственны псковским говорам и в XVII в. Они создавали специфическую диалектную окраску городской речи Пскова того времени. Однако не все диалектные слова обнаружены в псковских говорах. В северных говорах отмечены слова долговать 'быть должным, брать в долг' (Словарь русских народных говоров - арх.), жупьть 'петь (о птицах)' (Там же -

олов); в южных и западных говорах употребляется бачить "видеть, смотреть" (Даль). Возможно, что эти диалектизмы не были свойственны псковским говорам и в прошлом, а употреблялись только в разговорной речи города, занесенные туда приезжими торговыми людьми.

Итак, анализ глаголов, представленных в "Разговорнике" Тонниса Фенне, позволяет сделать ряд наблюдений над речью древнерусского города XVII в.

Г.П. Нешименко

Основные принципы организации деминутивной
деривационной системы (на материале древне-
чешского языка)

I. Уменьшительно-эмоциональные существительные как основная реализация понятийной категории оценки.

II. Важность изучения словообразования уменьшительно-эмоциональных существительных для понимания особенностей функционирования деривационного механизма языка, внутренней обусловленности и эволюции словообразовательных тенденций.

III. Словообразовательная система уменьшительно-эмоциональных существительных как специфическая автономная деривационная система.

1. Обусловленность деривационной специфики уменьшительно-эмоциональных существительных их функциональным использованием, особенностью привносимой информации: фиксация объективно-размерностной и экспрессивной характеристики.

2. Специфические особенности деминутивного словопроизводства:

А. Масштабность словопроизводственного ареала, вовлечение в деминутивную деривационную сферу неограниченных лексических пластов, объединяющих имена существительные любой родовой принадлежности, собственно чешского и заимствованного происхождения, одушевленные и неодушевленные и пр. — как следствие универсальности уменьшительно-эмоционального

значения, его совместимости практически с любыми семантическими разновидностями существительных.

Б. Широта инвентаря словообразовательных формантов; polyvalентность производящих основ, выражающаяся в наличии разветвленных деривационных гнезд, пучков однокоренных словообразовательных дублетов, совмещенных в одной хронологической плоскости – как следствие использования деминутивных существительных для фиксации экспрессивной характеристики, эмоциональной настроенности субъекта.

В. Допустимость (в определенных рамках) словообразовательного экспериментирования, заключающегося в локальном использовании нестандартной словообразовательной техники и приемов: дублирование словообразовательной процедуры, включение вставных морфем для нагнетания уменьшительно-эмоционального значения. Обусловленность последнего сниженной строгостью нормативных запретов и обособленностью положения деминутивной лексики по отношению к основным магистральям номинации.

IV. Четкая иерархизованность и упорядоченность деминутивной деривационной системы.

1. Принцип многоярусного строения системы, обусловленный возможностью разграничения однофазных и многофазных деривационных цепочек.

2. Изоморфность строения ярусов системы – выделение в их составе центральных и периферийных деривационных схем. Снижение строгости нормативных запретов по мере удаления от центра деривационной системы.

3. Стабильность организационного принципа системы – многоярусности – и эволюция компонентов системы, выражающаяся в эволюции лексического состава репрезентантов первичных и вторичных дериватов – так называемый центростремительный сдвиг, обусловленный нейтрализацией оценочного значения.

V. Правила, регулирующие функционирование и эволюцию деминутивной деривационной системы.

1. Правило достаточности словообразовательного инвентаря – наличие комплекта узурпирующего ядра деривационных аф-

фиксов, достаточного для обеспечения комбинаторного минимума, т.е. потенциально возможного набора структурных ситуаций. Закономерности деривационной комбинаторики:

А. Понятие контактной зоны основы и зачина форманта; определение типов их манифестации; выбор репрезентативного аллоформа производящей основы и производной лексики при установлении строения контактной зоны основы и зачина аффикса.

Б. Требование совместимости структурных параметров контактной зоны основы и зачина суффикса (т.е. правило притягивания противоположностей).

В. Роль манифестации предконечного компонента контактной зоны основы как решающего фактора, оказывающего влияние на деривационную комбинаторику.

2. Правило избыточности как двигательный механизм эволюции деминутивной деривационной системы.

А. Вытеснение из сферы деминутивного словопроизводства избыточных формантов, имеющих идентичные дистрибутивные параметры по сравнению с наиболее продуктивными суффиксами — оппозиция К-формантов и С-формантов.

Б. Инвазия вокализованных формантов типа VC, имеющих универсальные структурные параметры.

VI. Распределение деминутивных деривационных схем в составе словообразовательной системы древнечешского языка.

В.В.Нимчук

Древнерусское цѣрь

Слово цѣрь пока что отмечено только в известном летописном рассказе о мести древлянам княгини Ольги, которая "повелѣ комуждо голуби и къ воробѣви привазывати цѣрь. шбертываще въ платки малы. нитьков поверзываще. къ космуждо ихъ... голуби же и воробѣе полетыша въ гнѣзда своя. шви в голубники. врабѣе же подѣ страхи и тако възгараху-са голубьници. шво кльти. шво вежѣ. шво ли шдрини. и не бѣ двора идеже не горяще..." /ПСРЛ, I, 59).

В словарях XIX в. указанный гапак подается лишь в форме, засвидетельствованной в Лаврентьевской летописи, с объяснением "сера". Вариант чѣрь (чирь), который фиксирует Ипатьевская летопись /ПСРЛ, II, 47/, лексикографы вовсе не принимали во внимание. Ряд ученых (Ф.Миклошич, И.И.Срезневский, П.П.Белецкий-Носенко) объясняли чѣрь как 'сера'. Недавно О.Н.Трубачев, опираясь на смоленск. диал. церь 'напльвы смолы на дереве' и на другой материал, попытался сблизить этимологию др.-русск. чѣрь (Лавр. летопись) с сѣра. Д.С.Лихачев предложил толковать др. русск. чѣрь, опираясь на белорусск. церь 'трут из губки, растущей на березе'.

Исследуемое существительное в близких по форме и значению словах продолжает функционировать в говорах современных восточнославянских языков.

Кроме русск. диал. церь м. "напльвы смолы на дереве", белорусского церь ж. "трут из губки, растущей на дереве", укажем еще на белорусские литературное (устар.) цера ж. "трут", диал. цера ж. "губка", цэр м. "гриб на дереве". До сих пор в литературе об этом слове не упоминались укр. диал. (юго-зап.) чир м. "трут"; губка чирівка "гриб *Poliporus foen-tarius*" чирь, чирь м. "трут" (род.пад. чирю). Следовательно, в летописях засвидетельствовано довольно распространенное др.-русск. слово, а не узкий диалектизм.

Отметим, что в восточных говорах польского языка - сзуг (сзег) "трухлое дерево; трут", которое считается заимствованием из украинского языка (Ф.Славский), словацкие širovec "род грибов *Tricholomopsis*", в том числе širovec červenožltý "*Tricholomopsis rutilans*" - гриб, растущий на пнях хвойных деревьев, širovka "род грибов *Tricholoma*", širovnica majová "гриб *Calocybe gambosa*", чешское širůvka "род грибов *Tricholoma*".

Ф.Славский польское диал. сзуг / сзег, В.Махек, И.Голуб и С.Лиэр чешское širůvka этимологически связывают с *šir-čjъ "чирей".

Предлагая иную этимологию др.-русск. чѣрь (чѣрь, чирь),

считаем уместным сначала указать на то, что из различных видов трутовиков изготовляли возгораемый материал не только славяне, но и другие народы. Это, например, отражается в научных латинских терминах на обозначение трутовика настоящего — "Fomes fomentarius" и трутовика ненастоящего — "Fomes igniarius".

Предполагаем, что др.-русск. цѣрь (чѣрь, чирь) родственно с лит. *skiesti* "разделять", лат. *scindo* (*sciscidi*) "раскалываю", гр. $\sigma\chi\acute{\iota}\zeta\omega$ "раскалываю", др.-инд. *chinatti* "раскалывает", и.-е корень **skēi-* (по Р.Траутману).

Если наше предположение верно, то в древнерусских говорах возможны были две формы — цѣрь и чирь, т.е. формы, в которых отражается древнейшее чередование гласных ѣ — и, подобно тому, которое наблюдаем чистити — цѣстити, цѣлети (кстати, их тоже возводят к указанному выше и.-е. корню).

Принимая во внимание то, что в летописях засвидетельствованы преимущественно формы с ѣ, которому закономерно соответствует е в русских и белорусских (церь, цѣр, цѣра), і — в некоторых украинских (чирь), считаем, что наиболее распространенной древнерусской формой была цѣрь. Вариант чѣрь Лаврентьевской летописи можно было бы объяснять как результат псковской замены ц на ч (издавна существует мнение, что копия летописи сделана в Пскове), однако он может быть результатом контаминации чирь и цѣрь (ср. украинское диал. чирь). Форма чир большинства украинских говоров, по-видимому, восходит к параллельной чирь.

Как летописный контекст, так и данные современных восточнославянских говоров (и предложенная этимология) указывают на то, что древнерусско цѣрь (чѣрь, чирь) имело значение "трут". В большинстве говоров восточнославянских языков это древнее слово было вытеснено другим древним словом трут < трудь (< *trpǫdъ*), которое первоначально обозначало "трутовик".

Словообразование и реконструкция древнейшей

семантики слова.

1. Среди работ, посвященных реконструкции древнейшей семантики слова, видное место занимают исследования, выполненные на чисто семантическом уровне: строятся различные изосемантические ряды, чертятся семантические деревья и т.д. Фонетический и словообразовательный аспекты анализа обычно играют при этом второстепенную роль, а подчас и совсем игнорируются.

2. Между тем, словообразовательный анализ, опирающийся на живую "плоть и кровь" языка, нередко может оказаться "ключевым" в деле наиболее объективной реконструкции древнейшей семантики слова. Так, простая отсылка к корню *ker- 'рубить, колоть' мало что проясняет в этимологии ст.-сл. чръпати 'наливать'. В то же время, не чисто семантическая, а семантико-словообразовательная реконструкция все ставит на свое место: *ker- 'рубить, колоть' → *ker-p-ov (> чръпъ) 'осколок, черепок' → чръпати 'наливать' (букв. - что-нибудь вроде 'действовать черепком'). Аналогичный случай: *golu 'голый' → *goluā (ст.-сл. глава, лит. galvà) → лит. galvóti 'думать'.

3. Именно всесторонний словообразовательный анализ русск. рамень привел к совершенно неожиданной семантической реконструкции: слово, означающее "лес", оказалось обладающим более древним значением "пашня". И если раньше этимологи отмечали, что "о происхождении этого слова этимологической науке... не удалось сказать ничего положительного" (Г.А.Ильинский, 1918 г.), в настоящее время новая этимология не только получила признание (С.Б.Бернштейн, О.И.Блинова, В.А.Никонов, Н.И.Толстой, О.Н.Трубачев, Ю.И.Чайкина и др.), но и была подкреплена довольно многочисленными ссылками на диалектный материал, отражающий реконструированные с помощью словообразовательного анализа промежуточные звенья семантической истории слова.

4. Иногда словообразовательный анализ родственного индоевропейского материала – за пределами славянских языков – помогает решить вопрос о древнейшем значении славянского слова и об относительной хронологии. Так, србхр. бабарога 'баб-яга', рогуля 'корова с большими рогами' и (эвфем) 'ведьма', рогоша 'коза рогатая' и 'ведьма', рогоња 'бык с большими рогами' и (эвфем) 'черт' вызывают, по крайней мере, два недоуменных вопроса: 1) при чем здесь рога, если речь идет не о черте, а о ведьме? и 2) когда появилось эвфемистическое обозначение ведьмы как "рогатой"? На оба вопроса отвечает словообразовательный анализ балтийских соответствий србхр. рогоња: лит. *gāgana*, лтш. *gagane* 'ведьма', *gagana* 'рогатая овца' и 'ведьма' (ср. также србхр. рога 'рогатая овца'). Наличие этого до сих пор не отмеченного эксклюзивного балто-южнославянского соответствия позволяет хронологически отнести "рогатую" ведьму к эпохе, значительно более древней, чем время введения христианства у славян и балтов. А словообразовательный анализ балтийских слов (например, лит. *gāgas* → *gāgana* 'рогатая' вполне вписывается в хорошо известную модель) – вместе с данными сравнительной мифологии – позволяет видеть в сербохорватской бабеге и ведьме древние пережитки дохристианского зооморфного божества или демона, почитавшегося в образе козы или коровы.

5. Наличие двух различных словообразовательных рядов среди славянских глаголов на -*eti* позволяет пересмотреть традиционную этимологию глагола колѣти 'поддыхать'. Обычно его связывают со словообразовательным типом дубь → дубѣти 'становиться (твердым) как дуб': коль → колѣти 'становится (твердым) как кол'. В качестве семантической параллели здесь можно сослаться на нем. *sterben* – с близкой суммой исходного и конечного значений.

Однако отыменные глаголы подобного рода обычно составляют пары типа: дубити – дубѣти, облѣти – облѣти, (вос)пламенити – пламенѣти и т.д. В нашем случае такой пары нет – что, видимо, позволяет отнести его к иному словообразовательному ряду: лит. *kár-ti* 'вешать' – *karėti* 'висеть',

др.-русс. я-ти (ср. лит. iš-ti) 'братъ' - имѣ-ти, русск. диал. гус-ти (гуду) 'издавать звуки с помощью чего-либо' (о человеке) - гудѣ-ти 'издавать звуки' (например, о колоколе). Во всех этих и многих других случаях глаголы на -ēti противопоставляются глаголам действия как образования, выражающие результат этого действия. В этот ряд естественно вписывается пара: колоти 'бить скотину' (действие) - кольти (о скотине) 'подыхать' (результат действия). Интересно отметить, что обладающие иными значениями, но генетически тождественные литовские слова отражают ту же самую словообразовательную модель: kál-ti 'ковать', 'заковывать в кандалы' - kalb-ti 'сидеть в тюрьме' (то есть 'быть закованным в цепи').

Л.П. Рупосова

Лексика переводных русских лечебников XVI-XVII вв.

Русские рукописные переводные лечебники XVI-XVII вв., сосредоточенные в хранилищах Москвы (ГИМ, ГБЛ) и Ленинграда (БАН, Пушкинский Дом, ГПБ) должны стать объектом изучения (как и другие виды древнерусской письменности, предназначенные для практических нужд русских людей) при решении ряда кардинальных проблем русской исторической лексикологии, таких, как становление русских терминологических систем и хронологические рамки этого процесса, роль западноевропейских языков в этом процессе на разных этапах развития языка, соотношение исконно русских (в том числе и диалектных), церковнославянских и заимствованных единиц в системе русской терминологии, взаимодействие терминологических систем и общеупотребительного языка и т.д.

Материал данного исследования - древнейшие дошедшие до настоящего времени списки рукописей медицинского содержания, восходящие к немецким, польским, английским оригиналам. Объект исследования - ботанические и медицинские термины, которые мы рассматриваем в двух планах - этимолого-хронологи-

ческом и функциональном. Основные методы анализа – сопоставительный (сопоставление ведется с предполагаемыми иностранными оригиналами переводов, что особенно важно при установлении времени и объема заимствования иноязычных терминов, т.к. русские оригиналы до нас не дошли; с другими источниками, переводными и оригинальными, среднерусского периода; учитываются также данные словарей этого времени), аналитический (в текстах лечебников выделяются разнородные в языковом отношении контекстуальные единицы: предисловия, послесловия (те и другие могут быть составлены переводчиком или переписчиком или следовать иностранному оригиналу), заголовки статей, статей; комментарии переводчика (переписчика) или других лиц, дополнения и т.д. и семасиологический (в области терминологии, как отмечали неоднократно исследователи, в случаях совпадения материальных культур двух народов наблюдается, как правило, принцип однозначного соответствия слов в языке – источнике и в заимствующем языке, что проявляется при переводе в замене иноязычной лексемы на имеющуюся в данном языке при сохранности семы (возможны нарушения этой закономерности при недостаточном владении литературным языком, при недостаточном знакомстве с материальной культурой народа, на язык которого осуществляется перевод, в результате действия "принципа экономии" и т.д.). В случаях несовпадения появляются заимствования и кальки. Этот метод приобретает особую важность при разграничении калек и исконных образований в естественнонаучной терминологии, где, как подчеркивал А.Будилевич, у всех древних народов наименования возникают по внешнему, наиболее характерному признаку, так что конструктивное совпадение перевода с иностранным термином еще не может служить доказательством того, что это случай калькирования.

Сравнительный анализ лексики переводных рукописных лечебников XVI–XVII вв. дает возможность, во-первых, выявить древние пласты в русской медицинской и ботанической терминологии: общеславянские наименования (или встречающиеся в большинстве славянских языков), церковнославянские, восточ-

нославянские, собственно русские. Исконно славянские наименования составляют ядро формирующейся русской научной терминологии, характеризуются, как правило, устойчивостью, отсутствием вариантов, синонимов, пояснений. К ним примыкают заимствования древнеславянского (по терминологии Н.И.Толстого) периода, большинство которых восходит к восточным или византийским источникам. Во-вторых, можно определить круг заимствований нового времени. Сюда относятся многочисленные латинизмы, грецизмы, пришедшие в русский язык через посредство латыни, заимствования из живых европейских языков (немецкого, польского, чешского). Так как учебники эпохи средневековья всех европейских стран восходят, как правило, к латинским оригиналам, а термины-латинизмы проникают во все европейские языки, встает вопрос о языках-посредниках при передаче заимствований из латыни на русскую почву (по нашим наблюдениям, непосредственных переводов латинских медицинских источников на русский язык в XVI-XVII вв. не было). Как известно, самыми древними, из дошедших до настоящего времени, медицинскими переводными сочинениями являются "Благопрохладный вертоград" (1534 г.), восходящий к немецкому оригиналу, и перевод с польского языка известной книги Х.Спицинского (1588 г.). Переводчик последней, как показал лингвистический анализ, — выходец из западнорусской среды. Сопоставление текстов этих двух учебников (по известным в настоящее время спискам) позволяет установить первичность немецкого языка при передаче на русскую почву многих латинских терминов, определить круг заимствований, вошедших в русский язык через немецкое и польское (западнорусское) посредство и внести достаточно серьезные коррективы к построенным в словарях русского языка этимологиям (например, для слов: материя, масса, конфета, рецепт, нерв, пульс и др.).

Судьба заимствований в области медицинской и ботанической терминологии, вошедших в русский язык в XVI-XVII вв. из классических и живых европейских языков, неодинакова. Поэтому на первый план выдвигается не количественная характе-

ристка заимствований из разных языков (хотя и она учитывается), а функционирование их в новой лексической системе, их связи с исконной лексикой (отношения синонимии, дифференциация значений и т.д.).

Как показал анализ лексики переводных учебников, все заимствования из живых европейских языков относятся к окказионализмам, употребляемым только в одном памятнике или в нескольких, но переведенных с одного языка (такова, например, судьба полонизмов). Как правило, окказионализмы второго типа выходят из употребления в XVIII в., в период стабилизации русской медицинской и ботанической терминологии.

Заимствования из классических языков также могут употребляться окказионально (часто в тех случаях, если речь идет об "экзотических" для Руси лечебных растениях), но некоторые из них (около тридцати) усваиваются языком русской медицины исследуемого периода. Об их усвоении свидетельствуют факты неоднократного употребления в переводах с разных языков и в других источниках XVII в., расширение сферы употребления и наличие производных у некоторых из них.

Только заимствования из классических языков входят в группу терминов, употребляемых окказионально в XVI-XVII вв., но заимствованных вторично, как правило, в XVIII в., часто через посредство других языков и с другим значением. Единичная фиксация таких терминов в памятниках изучаемого периода, не может, естественно, свидетельствовать о начале истории слова в новой языковой среде, но такие факты необходимо учитывать при лингвистическом анализе, т.к. они доказывают, что слово имело свою "предысторию" в лексической системе заимствующего языка, и по-новому освещают вопрос о путях и источниках пополнения русской лексики. Особый интерес в этой группе представляют термины, ставшие в XVIII в. принадлежностью других терминологических систем русского языка.

Кроме исконно славянских и заимствованных терминов, в системе ботанической и медицинской терминологии XVI-XVII вв. можно отметить немногочисленные случаи морфологического калькирования иностранных терминов. Вопрос об иностранном

влиянии по отношению к изучаемым источникам не может быть решен однозначно, т.к. нет более ранних текстов сходного содержания, сопоставление с которыми дало бы обоснование выводам о наличии калькирования в анализируемых лечебниках. Поэтому помимо структурного совпадения оригинала с переводом принимаются во внимание при установлении случаев калькирования, кроме семасиологических, дополнительные признаки, такие, как употребляемость формы, наличие синонимов и т.д.

О.И.Смирнова

Методика исследования слов с противоположными значениями в исторической семасиологии

I. Понятие энантиосемии до сих пор остается неопределенным. При современном широком взгляде на антонимии как семантическую противопоставленность вообще энантиосемия вполне может рассматриваться как специфическая разновидность антонимии. Более того, современный широкий взгляд на антонимии позволяет относить к энантиосемии не только случаи п о л н о й противоположности значений одного слова (например, благой: 'хороший', 'добрый' ↔ 'плохой', 'злой'), но и случаи н е п о л н о й противоположности, когда полярность значений (в частности, у качественных слов), проявляется лишь как полярность положительного и отрицательного эмоционального содержания слова. (дерзый - 'дерзкий' ↔ 'смелый'). Однако энантиосемия является частным случаем полисемии, поскольку речь идет об антонимических значениях одного слова, если, конечно, развитие полисемантических значений в противоположных направлениях не приводит к расщеплению этого слова на два. В этом случае энантиосемия (поляризация значений) приводит к переходу многозначности в омонимию и к образованию омоантонимов - слов с одинаковой звуковой оболочкой, но с противоположными значениями.

Переход многозначности в омонимию не является мгновенным актом, а представляет собой определенный семантический процесс. В связи с этим чрезвычайно важным оказывается тща-

тельное исследование семантической истории многозначных слов, в процессе развития которых имела место поляризация значений.

2. Исследуя историю омонимов благой¹ и благой², лихой¹ и лихой², легко убедиться, что один компонент каждой из этих пар (благой¹ 'добрый, хороший' и лихой¹ 'злой, дурной') представлен в древнерусском письменном языке большим количеством примеров, тогда как появление второго компонента остается до некоторой степени загадочным: примеры на употребление слов благой 'злой, бешеный', 'дурной, плохой' и лихой 'превосходный', 'быстрый', 'смелый' в древнерусском письменном языке либо единичны, либо вовсе отсутствуют. Именно отсутствие достаточных данных для выяснения, когда, при каких обстоятельствах, в каких условиях и почему возникли эти значения у слов благой и лихой, и вызывает к ним повышенный интерес исследователей, с одной стороны, и противоречивые высказывания по поводу этих слов, с другой стороны.

3. Выявление семантических связей слова является главной задачей любого семасиологического исследования. Исследование качественных слов, в первую очередь, предполагает их непременно антонимическую сопоставленность (ср. противопоставления типа: лихой ↔ добрый, благой ↔ злой в древнерусском письменном языке).

4. Не менее важно для определения собственной семантики слова и установление его синонимических связей, выявление степени семантической близости его с другими словами, возможности его замены в определенных контекстах другими словами. Так, безусловно очевидна синонимическая близость слов благой и добрый в древнерусском письменном языке. Так же очевидно и наличие совершенно другого синонимического ряда для слова благой в языке народно-разговорном: благой - злой, дурной, плохой, худой, лихой и т.п. Весьма разнообразны синонимические связи слова лихой в древнерусском письменном языке: лихой - злой, лютый, худой, дурной, плохой; лихой - гораздый, изрядный, изрядный, нарочитый, умьлый, хитрый; лихой - рзвый, борзый; лихой - дерзый, смьлый.

5. Парадигматические отношения слова и закономерности его сочетания с другими словами взаимообусловлены. Синтагматические возможности качественных прилагательных обусловлены, с одной стороны, принадлежностью к определенному грамматическому классу (преимущественная сочетаемость с существительными по типу согласования и выполнение роли определения), с другой стороны, их принадлежностью к категории оценочных слов (возможности их сочетания зависят от "качества" существительного, с которым они согласуются и от парадигматических связей прилагательного.

"Положительное" значение прилагательного благой в сочетании с существительными, типа господь, определяется, прежде всего, качеством существительного, характеристика которого может быть лишь однозначно-положительной. Значения того же слова в сочетании с качественно-нейтральными существительными, типа воня, земля, тѣло, жена, определяются, в первую очередь, парадигматическими связями прилагательного благой, характерными для определенной языковой сферы: в древнерусском письменном языке — "положительные" значения: жена блага 'добрая, добродетельная', блага воня 'приятный запах', земля благая 'земля хорошая, плодородная', благъ тѣломъ 'крепок, красив'; в древнерусском народно-разговорном языке — "отрицательные" значения: благой слонъ 'алой, бешеный', 'свирепый', благая дорога 'глухая, вязкая, с ямами'. Также парадигматическими связями обусловлено значение 'очень ловок, мастер' слова лихой в словосочетании лихъ драться (ср.: лѣти гораздъ, гораздъ стрѣлять, лѣти (пушки) хитръ и т.п.).

6. Не менее важным является исследование деривационных связей слова. Анализ показывает, что изменения в семантике слова блаженный вызвали соответствующие изменения значений у слов, связанных с ним генетически и принадлежавших к той же семантической сфере (благой, благить и т.п.). Наличие у слова лихой в древнерусском языке "положительного" значения 'превосходный, отличный', 'ловкий, умелый', 'быстрый, стремительный', представленного одним примером XI в. и двумя — XII в., косвенно подтверждается соответствующими значени-

ями слов лихнути 'превзойти', лихновица 'превосходство', 'преимущество', и лиховъница 'преимущество'.

7. Не последнее место в исследованиях подобного рода занимают сопоставления с диалектным материалом. Интересны сравнения древнего значения слова лихой 'превосходный, отличный' со значением диалектного лишний 'исключительный', 'особенный' и лихо 'умно', 'смело', 'превосходно', 'отлично'. Выявление у слова благой значения 'свирепый', 'бешеный', 'злой' (благой слонъ - в Хожении за три моря Афанасия Никитина) было бы затруднительно без сопоставления с данными тверских говоров (ср. у Даля: "лошадь благая, берегись, убьет").

8. Изучение парадигматических, синтагматических и деривационных связей слова проводится обычно в плане синхронном. При изучении истории слов оказываются необходимыми определенные синхронные срезы с дальнейшим сопоставлением результатов, получаемых при исследовании слова на различных этапах его развития.

9. Не менее важен и учет этимологических данных о слове. Не только семантически близкими (в историческом плане), но и одинаково мотивированными оказываются некоторые значения слов лихой и изящный, изрядный (например, значение 'превосходный, отличный' у этих слов могло быть переосмыслено из более древнего 'исключительный').

10. Сопоставление данных родственных языков также дает очень интересные сведения, касающиеся как датировки появления некоторых значений у того или иного слова, так и появления самих значений.

11. При изучении слов, в процессе развития которых возникают противоположные значения, кроме указанных направлений исследования, весьма важным оказывается учет некоторых экстралингвистических факторов. Иногда этот момент для установления причин возникновения у слова противоположных значений оказывается едва ли не главнейшим.

12. Для установления момента проникновения в литературный язык тех или иных значений, бытовавших прежде в диалектной сфере, большое значение имеют данные письменности, фикс-

сапия тех или иных значений в словарях и определение стилевой сферы применения слова в литературном языке.

Г. В. Судаков

Лексика одежды в русском языке XVII века
(география и семантика)

Язык памятников локальной деловой письменности XVII в., развиваясь в русле традиций приказного письма Москвы, вместе с тем включал известное число фактов из речи местного населения, что дает возможность, опираясь на данные современных говоров, реконструировать некоторые черты диалектов прошлого.

Данное сообщение посвящено описанию лексики одежды и головных уборов. Из родовых названий одежды в памятниках зафиксированы одежа - одежда, одеяние, платье, в южноуральских актах - лопоть. Белая исподняя одежда, а также белое полотно - белье. меховая одежда и головные уборы, как и льбные меха - меховая рухлядь.

По-видимому, общерусскими по распространению были слова армяк, балахон, епанча - япанча, зипун, кафтан, кошуля, кожан, кушак, летник, нашивка, одноряцка, опашень, охабень, полукафтан - полукафтанье, портки - порты, пояс, рубаха - рубашка, рукавици: голицы, вареги, вязаницы, дубленицы, сарафан, свитка, сермяга, сукня - суконник, тулуп, телогрeя, штаны, шуба "мужская и женская меховая одежда"; шубка "женская теплая одежда", фeрезы. Общерусское распространение таких слов, как армяк, кошуля, голицы, вызывающее ранее сомнения историков языка, подтверждается большим числом примеров.

Употребительность разных слов на разных территориях не была одинаковой, например, если на севере сарафан был распространенной женской одеждой, то на юге его носили только представительницы богатых семей. В комплекс одежды богатых людей входили упомянутые в отдельных контекстах в вологодских, московских и рязанских памятниках сорочка "мужская

или женская нательная рубашка", рукав "муфта", смурдук "верхняя одежда от дождя", нагрудник "дорожная нарядная одежда, подбитая мехом". В комплекс одежды феодальной знати входили рецкие наряды, что влекло за собой сохранение отдельных архаичных в ХУП веке слов: изуфра – изуфрь "летняя легкая одежда", чпаг "карман", чига "мужская одежда вроде кафтана" и т.п.

Только в кнжнорусских памятниках зафиксированы названия кодман "верхняя женская одежда, чаще всего синего цвета, с украшенным воротом", панева – понява – понька – понка "костик замужних крестьянок", а также плакти, чекмень. Принадлежность рязанских говоров ХУП в. были слова запон "фартук", наметка "полурубашка". В донских бумагах отмечены такие заимствования, как башлык, бешмет, бурка. Слово куртя "куртка" в кнжнорусских источниках встречается достаточно часто.

В вологодских актах встретились слова доломан, шубник, шущун – названия верхней одежды. Только в восточносибирских памятниках отмечены малица и парка, называющие верхнюю меховую одежду.

Отдельные слова были представлены на разных территориях России в разных вариантах, хотя обозначали одну и ту же реалью, например, небогатая одежда из сукна в Вологде и Рязани называлась сукня, а в Холмогорах, Курске и Воронеже – сукман, суконник. Такие варианты представлены в названиях головных уборов: подзатыльник – Москва, Вологда, позатылок – Воронеж, потыльник – Архангельск, в названиях вторых рукавиц, надеваемых сверху первых: верхницы – Вологда, вершки – Воронеж, верхонки – Южный Урал.

Одно и то же слово в разных местах могло иметь разные значения. Так, например, лексема портище, родственная слову портки, в кнжнорусских актах значит "кусочек ткани", на севере же она имела еще два значения: "единица измерения, равная длине, используемая при счете галантерейных товаров" и "единица измерения ткани".

Типично севернорусское исподка служило названием рукавицы в вологодских и кнжнорусских говорах, но в вологод-

ских, кроме того, обозначало нижнюю женскую рубашку. Оба эти значения сохраняет слово и в современных вологодских говорах. Покромь - покрамь в рязанских и воронежских памятниках выступает как название женского пояса, а в вологодских и архангельских - это шнур, используемый для отделки одежды. Дноуральское допоть обозначало одежду вообще, а в Холмогорах оно служило названием старой рубашки.

Использовалось много слов для названия рукавиц. Ср. южное: рукавицы, голицы, вязаницы, вареги, вершки; северное: рукавицы, голицы, вязаницы, вареги, верхницы - верхонки, дубленицы, исподки, шубницы.

Среди названий головных уборов к общерусским отнесем волосник, колпак, кокошник, платок, подзатыльник - позатылок, треух, фата, шапка, шляпа, перевязка, полдубрусник, полка. Преимущественно южнорусским текстам принадлежат названия женских головных уборов сорока, ширинка, кичка, только в рязанских памятниках Е.Н.Борисова обнаружила слова табьшкя, ошивка, сетка, связка, корона. В вологодских актах находим слова плат, причелок, очелье, убус.

Наиболее точные показания относительно семантического объема и географии отдельных слов дает сопоставление целых наборов слов, являющихся названиями отдельных элементов полного комплекса мужской и женской одежды жителей севера, с одной стороны, и жителей юга, с другой.

А.Е.Супрун

К определению значений слов в полабском

1. Памятники полабского языка в подавляющем большинстве случаев представляют собой словари: это немецко-полабский словарь Хеннига, французско-полабский словарь-разговорник Преффингера, немецко-полабские словарики в Копенгагенской рукописи, записях Анонима, малом автографе Хеннига и материалах для де Бокёра, а также полабско-немецкий словарь Домейера (близкий к Копенгагенской рукописи). Количество дошедших до нас текстов на полабском языке весьма ограниче-

но: это три записи "Отче наш", запись свадебной песни у Хеннига, запись четырех небольших (в сумме десяток печатных строк) молитв у Митхофа, запись нескольких разговоров (два десятка строк) у Парум-Шульце, а также фрагменты из нескольких слов, приводившиеся в различных словарях для иллюстраций или, чаще, для перевода сложных или идиоматичных относительно полабского немецких слов. Все эти тексты, составляющие в сумме (включая фрагменты) несколько печатных страниц, снабжены в источниках немецкими переводами. Известно, что почти все наши полабские материалы - это ответы информаторов-полабян на вопросы, скорее всего заданные собирателями по-немецки.

2. Такой характер дошедшего до нас полабского лексического материала обусловил то, что обычно проблема лексического значения полабских слов не ставится: считается достаточным наличие немецкого (или французского) перевода, данного в источниках. Правда, в нескольких случаях переводы, в частности, у Пфеффингера явно ошибочны: *zaimǎ* (**zima*) у Пфеффингера и в Копенгагенской рукописи переводится как "золото" вместо "холод" (ср. нем. *Gold* и *kalt* в их нижне-нем. звучании), *rõl mailǎ* у Пфеффингера дано как эквивалент французского *jusqu'ou* "дотуда". Это касается не только отдельных слов, но и целых выражений: *joz ni s(a) vârot* - имеет французское соответствие *voulez vous coucher avec moi?*, а по существу является естественным ответом информатора на несколько нескромный вопрос записывавшего. Но такие случаи легко объяснились условиями записи и недоразумениями, особенно частыми у Пфеффингера. Ср., однако, и случай в Копенгагенской рукописи: *sredǎ* "среда" дается как эквивалент выражения *vor acht Tagen* "за неделю". Типология таких ошибок проста: это либо по существу ответы на вопросы собирателя вместо их переводов, либо недоразумения, связанные с подлинной или мнимой омонимией в вопросах. Более интересны случаи информации в немецких (французских) эквивалентах или иногда ее возможный избыток. Так, целое полабское выражение *jo zaraǎ kǎ zimai* "я смотрю (зрю) к земле" дано как экви-

валент фр. *bas* "вниз". Напротив, в другом месте у того же Преффингера дается выражение *jo sa ait vrasifot*, но французском эквиваленте которого возможно использован излишний компонент: *jeu veux me roulsener à cheval* "И пойду прогуляться на лошади". Слово *vrasifot* в других контекстах не встретилось, а потому остается не вполне ясным, означало ли это слово действительно "кататься на лошади" или же оно означало "гулять" (*vrasierengehen*), как перевел это выражение в XVIII в. составитель первого сводного полабского словаря Клер, поставивший однако при этом знак вопроса. Подобные явно неточные переводы имеются не только у Преффингера. Так, в Копенгагенской рукописи имеем, например; *gānū vāstol* "рано встал" с немецким эквивалентом *Frühe*; у Парум-Шульце (вообще надежного, так как он сам был полабьянином): *vitōr* "отвори" при нем. *mach die Tür auf* и даже у Хеннига: *ja-dān jidaině vātrūk*, "один единственный сын (отрок)" при нем. *einziger Sohn*. Такие неточности не редки. Они не вызывают опасений, когда имеются возможности проверки значения или очевидны при прочтении. Но подчас такого рода неточности вызывают серьезные трудности. Так, например, слово *svetět* (и в форме 3 л. ед. ч. *svetě*) дается как перевод нем. *glänzen* (Хенниг), *blitzt* (в выражении *šāuňā svetě - es blitzt* — Хенниг), *es blitzet* (в выражении *nenā svetě - es blitzet* — Копенгагенская рук.; первое слово, видимо, "ныне"), *il eclaire* (Преффингер). Но означает ли это, что глагол действительно утратил значение "светить"? Можно ли в связи с этим отметить, что у Хеннига для слова *Blitz* приводится полабское слово *Sweta (svetā)*, хотя в той же словарной статье в приведенном выражении фигурирует и *šāuňā* "молния". Таким образом, несмотря на наличие немецких или частично французских эквивалентов проблема лексической семантики не является для полабского словаря исчерпанной.

3. Поэтому проблематика семантики полабских слов не сводится к повторению приводимых в источниках эквивалентов, но требует учета следующих факторов: а) немецкого или французского эквивалента; б) значения соответствующих слов в дру-

гих славянских языках или в средненижнегерманском языке-источнике для заимствований; в) системные отношения в полабском языке (значение однокоренных слов, наличие и значение слов, составляющих с данными семантические группы); г) данные о словоупотреблении слов в текстах или фрагментах текстов.

Учет этих факторов важен в их совокупности, хотя, разумеется, отдельные звенья в этом комплексе уточнения значений могут выпадать (в силу, например, каких бы то ни было употреблений полабского слова в контекстах). Проиллюстрируем применение четырех элементов комплекса на конкретном примере.

4. Слово *zenā* в полабских источниках имеет эквиваленты *Frau* (выше 10 раз) и *Weib*, а также *fehme* (по 1 разу). Все эти слова могут означать как "женщину", так и "жену (супругу)". В родственных славянских языках картина аналогична; важно отметить, что в нижнедунайском словаре Муки четко представлено наряду со значением "жена" значение "женщина". Таким образом, эти два звена алгоритма не дают четкого решения. Для выяснения системных отношений важно, что в словаре для де Бокёра слово *zena* как эквивалент нем. *Frau* выступает в таком ряду: *Ein Mensch, Kind, Knabe, Junggesell, Mann, Alter Mann, Mägden, Jungfer, Frau, Alte Frau ...* Это может указывать на то, что для собирателя при получении данных был важен лишь пол и возраст, но не брачные отношения. В других случаях, например, в малом автографе Хеннига, Копенгагенской рукописи, слово *zena* выступает рядом с эквивалентом для слова *Mann*, что однако, в силу многозначности слова *Mann*, не решает проблемы. В полабском языке имеются такие общие названия лиц женского пола: *devā*, *defkā*, *zenā*, *bobo* (с фонетическими вариантами); возможно, *pent'ainkā* (немкинька), обозначавшее девушку "выше, нежели крестьянского сословия" (Хенниг), *zenkā* 'Jungfrau' по Парум-Шульце, "невеста" или "невестка" по Хеннигу и Анониму. Слово *bobo* обозначало "бабушку", "старую женщину", "повитуху". Таким образом, в полабских материалах не зафиксировано иных обозначений для "женщины" и "жены", кроме *zenā*. Данные синтагматики, довольно богатые по этому слову, таковы.

Все 11 определительных сочетаний могут быть приписаны значению "жена", а 2 сочетания (*zagã ženã* "сирая жена" — "вдова" и *vãtrũca ženã* "сыновья жена") только к нему; остальные 9 значений допускают и значение "женщина". Среди четырех более широких контекстов употребления этого слова у Парум-Шульце один как будто бы допустим лишь для значения "женщина", а три остальные для значения "жена". К сожалению, контекст значения "женщина" несколько неточен. "Я хочу идти в город. Я имею четыре гривны. Я хочу напиться пьяным", — говорится в предшествующем. И далее: *tũd'ě ženã citě mině svorěť* с переводом "Denn die Frauen wollen mir keiffen" — "Тогда женщины будут меня ругать". Слово *citě* понимается как 3 л. дь.ч. наст. вр. вспомогательного глагола "хочу", но форма *ze-ñã* (*zeñna*) испорчена. Если действительно, как в немецком переводе (Парум-Шульце представляет в данном случае запись разговора), речь идет о множественном числе, то, конечно, не о "жене", а о "женщинах". Подводя итоги, можно совершенно твердо сказать, что полабское слово *ženã* обозначало "жену" и, вполне вероятно, означало также "женщина". Важным свидетельством в этом направлении является то, что не зафиксировано иное обозначение "женщины".

5. Подобного рода соображения могут быть высказаны и для других слов. Так, к примеру, анализ слова *zilě* (букв. "зелье") показывает, что слово это бесспорно обозначало "траву", менее вероятным представляется, хотя исключить нельзя, что слово обозначало также "выгон, пастбище" (может быть, скорее, "пашу"). Комплексный анализ семантики, в силу ограниченности полабского языкового материала, зачастую не дает возможности сделать бесспорный вывод, а потому приходится прибегать и к вероятностным характеристикам (подобным тем, которые даются при этимологических решениях).

К проблеме значения слова в славянской исторической лексикологии и лексикографии

Проблема, указанная в заглавии — весьма сложная в теоретическом и практическом аспекте. При всех условиях она остается стержневой в работе над историческими словарями, над древними текстами и над историей слов ими зафиксированными.

Дефиниция исторического значения слова, как известно, принципиально отлична от семантической дефиниции современного литературного слова, современного диалектного слова, от этимологического определения тех же слов. При определении значения современного литературного слова исключается или сводится к минимуму фактор времени и пространства, при определении значения современного диалектного слова — только фактор времени, а при этимологическом анализе, если слово относится к праславянскому (или даже индоевропейскому) фонду — фактор пространства редко учитывается или учитывается в обобщенном, а не конкретном плане, и в том же плане выступает и фактор времени. При определении исторического значения слова, т.е. значения слова зафиксированного в памятниках, фактор времени присутствует в рамках устанавливаемых хронологическими границами памятника, исследования или словаря. В древних языках грекославянского (православного) ареала наблюдалось постоянное взаимодействие церковнославянской стилистики со стилистикой нецерковнославянской, которую, однако, в большинстве случаев трудно назвать диалектной, хотя она более чем церковнославянская может носить локальный (народный, этнически окрашенный) характер. Диалектологичность текстов (в особенности в период до XVI—XVII вв.) в этом ареале носит также несколько условный, не очень ярко выраженный характер и поэтому часто тексты чаще дифференцируются по жанрам, чем по локальным ("диалектным") особенностям. Однако, это положение отчасти связано с тем, что проникновение книжного языка в разные жанры письменности (письменных текстов) осуществлялось с разной интенсивностью в зависимости от жанра.

Принципиально наиболее строгим, последовательным и при-

емлемым с научной точки зрения анализом исторической лексики можно признать анализ словарного состава одного памятника или группы родственных¹ памятников (типа группы старославянских памятников одной школы — охридской или преславской и т.п.) и составление при этом полного словаря одного памятника или группы памятников. В региональной лексикографии этому соответствует полный словарь одного говора или группы однородных говоров. Всякий другой подход, требующий вовлечения большей группы памятников (различных в хронологическом и в локальном отношении) оказывается уже подходом в той или иной мере сравнительно-историческим, хотя и не направленным на реконструкцию слов. Так, больший объем и большее разнообразие материала (эксперпций) с одной стороны облегчает определение значения слова, с другой — несколько обобщает его и может ступенчат или затуманить специфическую (локальную, окказиональную, архаическую и т.п.) семантику слова.

Если не считать неизбежного, хотя бы интуитивного, сопоставления исторической семантики слова с современной и связанного с ним этимологизирования, то основным источником значения слова в случаях, когда мы имеем дело не с переводными, а оригинальными древними текстами, является контекст. В последнее время, благодаря ряду значительных работ по семасиологии (Ю.Д. Апресяна и др.), довольно детально разработана методика исследования синтагматики слова и определения на этой основе его семантики. Подобная методика оказалась довольно плодотворной при изучении семантики глагола, но менее результативной при исследовании других частей речи, особенно при рассмотрении существительных предметного значения. Стало очевидным, что отдельные семантические ДП (семи) могут быть выяснены лишь при парадигматическом построении группы слов, а не в результате анализа сочетаемости слова, т.е. его синтагма-

¹ Родственность может определяться на основе разных параметров — близости языка, палеографических особенностей, текста, хронологии, локальной приуроченности (единого скриптория и т.п.) и др. моментов и на основе суммы ("пучка") этих параметров.

тических связей. Напр., слова лесъ, боръ, роша, гаѣ, островъ, раменьє² и т.п., как правило, имеют одинаковые синтагматические параметры, т.е. равную сочетаемость с другими словами, но в парадигматическом плане они будут отличаться разными наборами семантических ДП – сем, при одной общей основной семе "лес, множество деревьев". При определении значения современного литературного или диалектного слова исследователь, в общем, может создавать или наблюдать неограниченное число контекстов, существенных для выявления разных ДП слова, управления, сочетаемости слова и т.п., важных для синтагматического рассмотрения, и, наконец, всегда может установить предметную соотнесенность слова, если таковая имеется, для анализа парадигматического. При выявлении значения "исторического слова" славист-лексиколог сталкивается с очень ограниченными возможностями в этом отношении (ср., например, такие гапаксы в ст.-сл. языке, как работьникъ, инокъ, челъадъ и др. – наблюдения Р.М.Цейтлин). Это вынуждает его обращаться к другим источникам и способам смыслового определения слова.

Важным методологическим принципом исследования остается принцип семантического поля (как известно, Й.Трир его впервые применил именно на историческом материале), моделирование которого может производиться разными путями. В переводных текстах (таковы почти все старославянские и многочисленные древнерусские, древнесербские, древнехорватские и древние македоно-болгарские) иноязычный эквивалент становился основой для толкования слова, в текстах же правового, дипломати-

² При этом, когда слово оказывается праславянского происхождения, малое значение имеет вопрос времени его фиксации в памятниках (ср., например, вост.-слав. болото, обнаруженное лишь в списках XIV в.) и потому дискуссии типа той, которая была связана с определением значения польских слов bóg и law ("Język polski", IŹ, 1919) по сути дела бесплодны.

ческого, хозяйственного и подобного характера специальная терминология подвергалась особому анализу с исторической, социальной, экономической и юридической стороны представителей соответствующих дисциплин (ср. работы В.И.Сергеевича, П.Мрочек-Дроздовского, Г.Е.Кочина, А.Поппе и др.). Не исключалась также возможность учета (или даже переноса) значения современного диалектного³ или литературного слова, или значения слова в родственных славянских языках – древних и новых и т.д., и т.п., создавались разные конструкции.

К знанию древнерусской культуры, богословия, идеологических воззрений, научно-общественных течений, быта, состояния техники, профессионального труда на Руси, наряду с начитанностью в текстах и знакомством с южнославянской и отчасти – с ХV в. – с западнославянской письменностью и литературой призывал исторических лексикологов в одной из своих последних (1968 г.) статей В.В.Виноградов. Он предостерегал от "приспособления значения слова... к современным понятиям", т.е. от "наивно-каламбурного его истолкования". Однако известны случаи, когда подобное "наивно-каламбурное" толкование происходило в прошлом, в древней Руси и тем самым уже становилось фактом знаменательным, существенным для исторической лексикологии. Таково было восприятие слова безстрашный как "безбоязненный, бесстрашный" (в Москве в ХVI–ХVII вв.) вместо исконного и "правильного" известного в древнеславянском каноне "не побежденный страстями", возможно и "лишенный страстей", "лишенный похоти" (см. в связи с этим любопытную полемику Лаврентия Зизания со справщиком Григорием и игуменом Илиев в Москве в Книжной Палате 18.П.1627 г.).

³ Так, например, в одном и том же отрывке текста "... скакал по темным по лесам и по рамень" слово рамень толкуется разными комментаторами различно. В сб. П.Н.Рыбникова (ч. I, Петрозаводск, 1864) как "место, где растет большой строевой лес", а в сб. Кириши Данилова (изд. М., – Л. 1958. коммент. А.П. Евгеньевой) как "густой лес, соседний с полями", в то время как не исключено и значение из-за наличия предлога и – "опушка леса".

Правильное определение значения "исторических" слов — основная задача исторической семантики, которую, по меткому определению А. Дипрона, можно считать и "вспомогательной исторической дисциплиной (наукой)", требующей от историка знакомства с языком "как со средством выражения определенного мыслящего коллектива". Задачи историка и лингвиста в данном случае одинаковы: познать и определить семантику языка как форму мыслений и представлений (прямых и образных — символических) об окружающем мире и вселенной. В связи с этой задачей исключительную ценность имеют свидетельства древних книжников о самих словах (см. азбуковники, сочинения Зиновия Отенского, Максима Грека, спор Лаврентия Зизания с игуменом Ильею, рассуждения старообрядцев — Никиты Пустосвята и др.), их семантической нагрузке и стилистической окраске. Следовало бы собрать эти свидетельства воедино подобно тому, как это сумели сделать польские ученые для лексики периода Просвещения XVIII в. ("Ludzie Oświecenia o języku i stylu", т. 1-3, 1957-57).

Не меньшую роль может сыграть материал древних славянских словарей, в первую очередь словарей, связанных с древнеславянской (церковнославянской) традицией (Зизания, Беринды, Славинецкого, Мариана из Яслиск, Поликарпова и др.). Многие из этих словарей в последнее время изданы, однако было бы важно создать на их основе с о д н ы й словарь с указанием всех возможных разнотолкований. Третьим полезным трудом по исторической семантике был бы словарь параллельных, двуязычных древнеславянско-русских (преимущественно "западно-русских") текстов. Такой словарь внес бы ряд уточнений в характер гомогенного литературного двуязычия древней Руси. В качестве четвертого труда подобного рода можно назвать словарь книжной справы Московской Руси XVII в. Источниками для него послужили бы корректурные экземпляры книг московского Печатного Двора, хранящиеся в ЦГАДА.

Перечисленные проекты никак не исчерпывают возможностей дальнейшего развития славянской исторической семасиологии.

Из истории турецких названий головных уборов в русском языке

1. Турецкие слова, обозначающие головные уборы, пришли в русский язык в разное время и различными путями. Наряду с праславянскими заимствованиями среди них представлены и туркизмы, заимствованные в древнерусскую эпоху. Наш доклад посвящен анализу слов: клобук, колпак, башлык, малахай, длык.

2. Среди древнейших обозначений головных уборов особое место занимают слова клобук, колпак. Эти туркизмы попали в русский язык в разное время и разными путями, что определило различия в их значении и употреблении. Слово клобук, судя по данным письменных памятников, зафиксированным в картотеке ДРС, заимствовано в XII в. На Руси клобук был широко известен как головной убор монахов, хотя в древности обозначал и наголовье князей. Название это представлено во многих памятниках книжнославянского типа литературного языка (Вопрашение Кирика, Хождение Трифона Коробейникова, Материалы для истории раскола и др.). В народных говорах лексема клобук употребляется шире. Об этом свидетельствуют показания словарей и диалектные записи. Исследователи говоров отмечают, кроме основного, ряд специальных значений, например, "покрышка колпаком на ловчих птиц" (Словарь В.Даля).

В древнерусском языке употреблялось устойчивое словосочетание черные клобуки, обозначавшее кочевое турецкое племя, жившее в пограничных владениях Киевской Руси (название народу дано по головному убору). Антонимическое устойчивое словосочетание Белый клобук обозначало головной убор митрополитов и патриархов.

3. Слово колпак появилось в русском языке несколько позднее. По мнению Б.А.Ларина, оно вошло в русский язык не позже XIV в., хотя в древнерусской письменности отражается с XV в. Эта лексема была заимствована из чагатайского языка (мнение Н.К.Дмитриева); правда, это слово представлено и в других турецких языках (татарск., казах., тур). Первоначальное значение (по описанию П.Савваитова): "высокая, кверху

суживающаяся шапка, с узким меховым отворотом и с одной или двумя прорезами, к которым прикреплялись пуговицы и запыны". В современном русском языке колпак несколько специальных значений: 1) головной убор клоуна, 2) шапочка поваров, 3) национальный головной убор башкир. Употребляясь в переносном значении, слово обозначает простака, недогадливого человека (прост.)

Туркизм колпак, как и клобук, употребляется в составе фразеологизмов: белый колпак (название турок за их белые головные уборы); выражение красный колпак употреблялось как символ свободомыслия, революционных настроений; стеклянный колпак (в сравн.). Лаврентий Зизаний отметил синонимичность слов колпак и клобук: "кида, киверъ, колпакъ турецкій, клобукъ" (Лексис. стр. 64).

Слово "колпак" входит как составная часть в этноним каракалпаки (название тюркской народности, названной по черному головному убору).

4. Лексема башлык обозначает головной убор в виде суконного колпака, закрывающего всю голову. Слово заимствовано из турецкого, крымско-татарского, азербайджанского языков, где оно обозначало вид капшона. В русских говорах и в письменных памятниках слово башлык (вр. башалак) употребляется в тех же значениях, что и в татарском языке: 1) начальник, голова рыболовной артели; 2) особый головной убор; 3) оглавль для лошадей.

5. Название головного убора шлык рассматривается как результат сокращения из башлык (Брижнер, Корш, Преображенский, Фасмер). Савваитов отмечал не только значение "женской шапочки" для слова шлык, но и существование мужских шлыков. В русских говорах лексема шлык употребляется шире, чем в литературном языке, в котором слово шлык имеет два значения: 1) старинный головной убор замужних женщин, род повойника; 2) шапка с коническим верхом, монашеский клобук (БАС, т. ХУП, 1477).

6. Название головного убора малахай имеет в русском языке ряд вариантов: махлай, махлак, махлан, махалай, малахайник, балахай, малахай. Впервые название этого крестьянского

головного убора встречается в Якутских актах ХУП в. Слово известно в ряде тюркских языков, куда оно попало из монгольского языка. В русской форме слова сохраняется гармония гласных, свойственная тюркским языкам. В говорах эта лексема обозначает широкий кафтан без пояса: Тут Иван с печи слезает, Малахай свой надевает (Ершов. Конек-горбунок). Подобно лексеме колпак, слово малахай в народных говорах употребляется в переносном значении "олух, невежда".

Из сказанного можно сделать краткие выводы. Во-первых, историко-лингвистический анализ тюркских названий головных уборов в русском языке позволяет верно понять и объяснить некоторые особенности взаимоотношений материальной культуры русского и тюркских народов и их языков. Во-вторых, среди тюркских названий головных уборов следует различать собственно тюркские слова и слова, заимствованные тюрками из других языков (арабск., монгольск., иранск. и т.п.). В-третьих, в процессе заимствования слов из тюркских языков происходят различные изменения в фонетико-морфологической форме и в значении заимствованных слов. В-четвертых, большая часть заимствованных тюркских названий головных уборов сохраняется в современном русском языке, нередко изменив первоначальные значения. В-пятых, происходит специализация синонимичных названий головных уборов. Так, слово клобук закрепилось в качестве названия монашеского головного убора, а слово колпак сохранилось как название светского головного убора, развив в себе ряд переносных и специальных значений.

Е.И. Янович

Наречия с основами десн-, шу- и прав-, лев- в истории русского и белорусского языков

1. Как показали исследования в области исторической лексикологии старославянского и русского языка (А.С. Львов, И.Ф. Мазанько), противопоставление основ десн-, шу- как средства пространственной характеристики относится к глубокой древности. Антонимические отношения основ прав-, лев- в

этом значении складываются гораздо позже, в течение исторического периода развития древнего восточнославянского языка.

2. В соответствии с этим, как и отмечено в ранних памятниках старославянского языка, наречные образования от основ десн-, шч-, восходящие к конструкции винительного падежа с предлогом о, относятся к наиболее древним, хотя и включают полную форму прилагательных, что свидетельствует об эпохе их формирования как об эпохе возникновения дифференцированной номинации предметов и признаков в кругу имен. Преобладающее в языке русских и белорусских памятников употребление наряду с формой одеснун формы ошчун (на месте ошчуню) указывает на особую роль морфемы - ун как средства словообразования наречий. Вместе с тем способность этих слов к предложно-падежному или беспредложному управлению родительным или дательным падежом имени или местоимения вытекает из субстантивной природы наречий, словообразовательной базой которых были атрибутивно-именные словосочетания в обстоятельственной функции с опорными существительными рука, сторона.

3. Другая антонимическая пара прилагательных в этом же значении складывается уже в начальный период развития восточнославянского языка в связи с развитием у прил. правны значения пространственной характеристики. Наречия, образованные от этих производящих основ, как правило, сосредоточены в кругу словообразовательных наречных типов иного характера. Однако, в своем происхождении они также связаны с обстоятельными атрибутивно-именными словосочетаниями с сущ. рука, сторона. На это указывает: а) последовательно проявляющаяся зависимость обстоятельных значений места или направления, выраженных такими наречиями, от словообразовательных наречных формантов -ѣ и -о, -у, различающих конструкции местного падежа с предлогом на в древне- и среднерусских памятниках (по памятникам белорусской письменности отмечены, кроме этого, предлоги в, по) и конструкции винительного падежа с предлогами на, в, по (с обобщением в ряде случаев наречных формантов в виде суффикса -о); б) способность наречий выступать в роли главных компонентов словосочетаний с формами

род.пад.имен или местоимений, подобно тому как образуют такие словосочетания предложно-падежные формы существительных рука, сторона; в) параллельное употребление в тождественных обстоятельственных функциях наречий указанных типов и соответствующих предложно-падежных форм атрибутивно-именных словосочетаний.

4. Между двумя указанными наречными типами, которые первоначально характеризовались строго определенным кругом основ, происходит активный процесс взаимодействия. С одной стороны, в истории как русского, так и белорусского языка отмечено вытеснение основы шу- основой лев- в составе наречия с приставкой о- (олевую наряду с одесную), что было обусловлено судьбой этой лексики в восточнославянских языках. С другой стороны, и такие основы, как десн-, шу- в эпоху, когда их противопоставление не было еще утрачено лексической системой языка, могли входить в поевье, для них "непривычные" наречные типы в результате действия определенных словообразовательных моделей. Характерно, что наибольшей продуктивной силой обладал уже в начальную эпоху тип наречий с формантов -о и приставкой на- (надесно, наше в русских памятниках, надесно в белорусских памятниках). Образование таких наречий носит морфологический характер, в отличие от лексико-синтаксического образования наречий с приставками о-, по-, в- и суффиксами -ую, -ѣ, -у.

И.Я.Яшкин

Остатки древнерусской лексики в современных белорусских говорах

1. Значительный пласт древнерусской лексики является характерным для современного белорусского литературного языка, а также для большинства или части теперешних белорусских говоров. Этот пласт почти не знает семантических сдвигов. Например, современные белорусские литературные слова алабонь, борць, вырай, гай, глей, гляк, лётаваць, нязэлья, пушча, сачыць, смаа, студня, тндзень, ці и т.д. имеют такие же значения,

как и древнерусские слова (о) бодонь(е) (1096 г.), борть (1114 г.), бриѣ (1096 г.), гай (1301 г.), глей, глекъ (1296) лѣтовати (1085 г.) недѣля (1056 г.), пуца (1096 г.), сочити (1229 г.), смага (XVI в.), студеньць (1056 г.), тыждень (1398 г.), ци (945 г.). Из этих слов только слово борть имеет еще значение "душистое дерево, в котором живут пчелы", а слово сочити — "следить, выслеживать", а слово глекъ — "глиняная бутылка".

2. Довольно большая часть древнерусской лексики сохранилась локально, на небольших территориях. В большинстве случаев она известна старобелорусской письменности. Этот пласт обычно не знает сдвигов в семантике: бѣрва, вѣна, возгн, год, зерѣма, лек, доск, нѣжа, стенъ, пяць.

3. В говорах отмечается большое количество древнерусской лексики с измененными значениями, которые обычно не выходят за пределы древнего семантического поля. В качестве примера приведем следующие слова: вѣцѣ, вѣтчѣна, лар, ланѣ, лоньскѣ марѣ, меч, науза, пѣстун, строп, шчанъ.

4. Наблюдается также много общей древнерусской лексики для северо-восточной Белоруссии и Западной части РСФСР, а также и других областей Центральной России.

Отметим также, что есть ряд древнерусских слов на территории Белоруссии, которые нигде в старых памятниках не отмечены — типа будымер "буль, открытое место" (Картотека Туровского словаря), будимир, "король петухов" на Витебщине (по Н.Я.Никифоровскому).

С о д е р ж а н и е

Т.А.А л е к с е е в а .	Определение значения слова по спискам памятника (на материале произведений Кирилла Туровского).	3
И.Ж.В а р б о т .	Определение значений и этимологизация "темных" редких слов из памятников письменности.	6
Е.М.В е р е щ а г и н .	Выявление смысловых связей между словами первого литературного языка славян с помощью методики "цепочки".	10
С.С.В о л к о в .	Устойчивые словосочетания-штампы для обозначения определенных житейских ситуаций в русских челобитных ХУП в.	13
В.Я.Д е р я г и н .	Проблема контекста в исторической лексикологии.	16
Л.А.К а ц а п о в .	И.В.Ш а д у р с к и й . Контекст и семантическая структура компонентов тематических групп (на материале старобелорусских памятников).	19
О.С.М ж е л ь с к а я .	Глагольная лексика в "Разговорнике" Тонниса Фенне.	22
Г.П.Н е щ и м е н к о .	Основные принципы организации деминутивной деривационной системы (на материале древнечешского языка).	25
В.В.Н и м ч у к .	Древнерусское <u>църь</u>	27
Ю.В.О т к у п щ и к с в .	Словообразование и реконструкция древнейшей семантики слова.	30
Л.П.Р у п о с о в а .	Лексика переводных русских лечебников ХУI-ХУП вв.	32
О.И.С м и р н о в а .	Методика исследования слов с противоположными значениями в исторической семасиологии.	36
Г.В.С у д а к о в .	Лексика одежды в русском языке ХУПв. (география и семантика).	40

А.Е.С у п р у н . К определению значений слов в полабском.	42
Н.И.Т о л с т о й . К проблеме значения слова в славянской исторической лексикологии и лексикографии.	47
Г.Я.Т о м и л и н а . Из истории тюркских названий головных уборов в русском языке.	52
Е.И.Я н о в и ч . Наречия с основами <u>десн-</u> , <u>шу-</u> и <u>прав-</u> , <u>лев-</u> в истории русского и белорусского языков.	54
И.Я.Я ш к и н . Остатки древнерусской лексики в современных белорусских говорах.	56

Подписано к печати 22/УП - 1978 г.
А-02118 Объем 3,75 п. л. Тираж 300 экз. Зак. 307
Офсетное производство типографии № 3
издательства "Наука"
Москва, Центр, Армянский пер., 2

